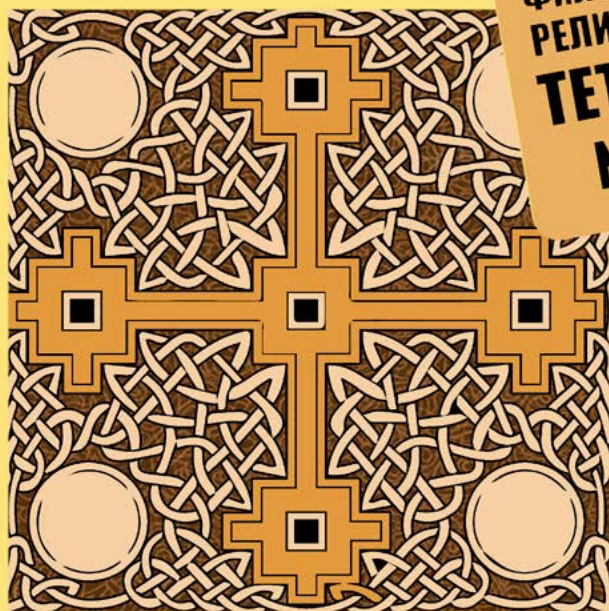
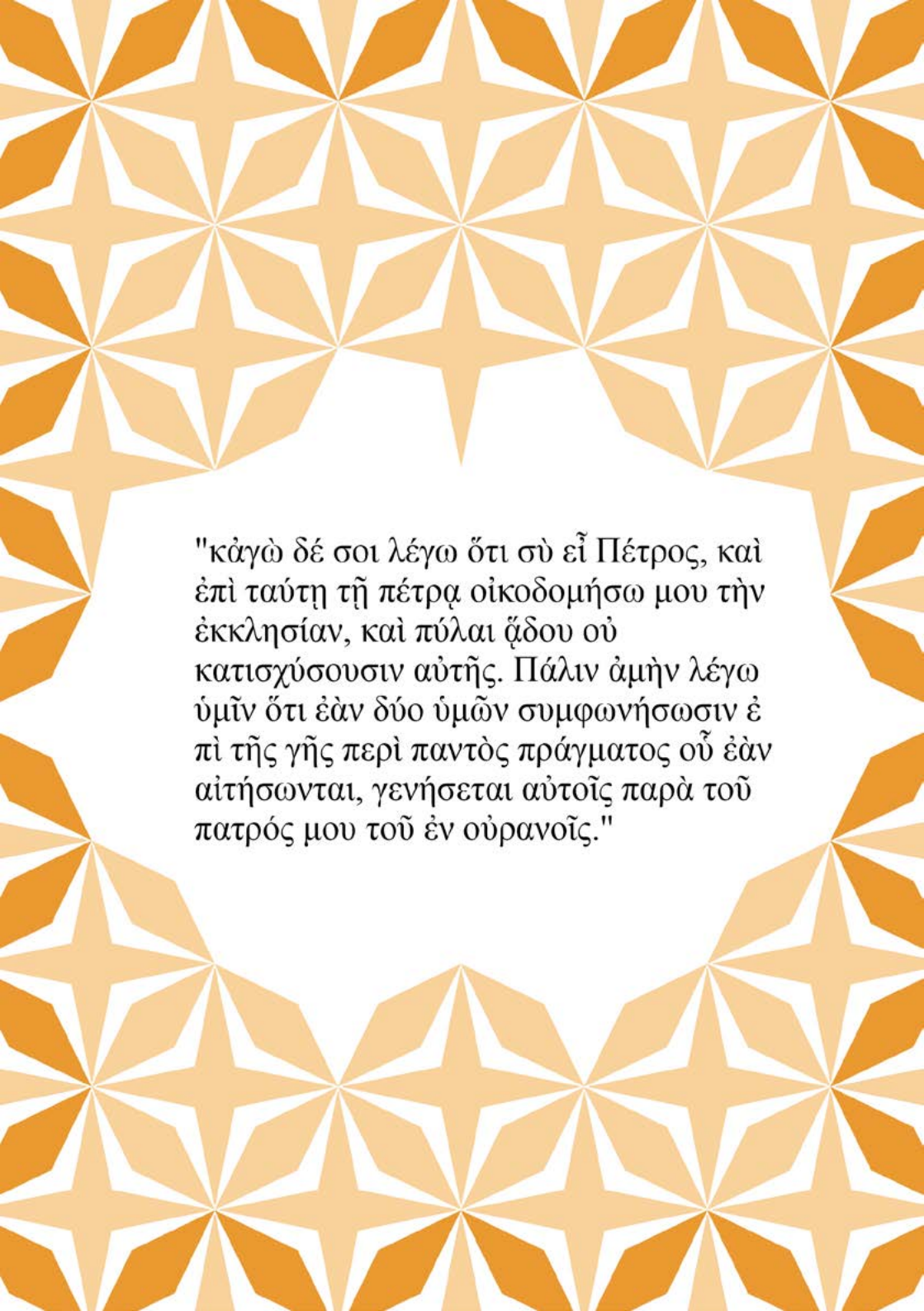

ФИЛОСОФСКО-
РЕЛИГИОЗНАЯ
ТЕТРАДЬ
№008

**ТЕЛО ХРИСТОВО:
КОНСТАНТЫ И
МЕТАМОРФОЗЫ
СВЯЩЕННОГО**

MMXVI

"κἀγὼ δέ σοι λέγω ὅτι σὺ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν, καὶ πύλαι ᾄδου οὐ κατισχύσουσιν αὐτῆς. Πάλιν ἀμὴν λέγω ὑμῖν ὅτι ἐὰν δύο ὑμῶν συμφωνήσωσιν ἐπὶ τῆς γῆς περὶ παντὸς πράγματος οὗ ἐὰν αἰτήσωσιν, γενήσεται αὐτοῖς παρὰ τοῦ πατρὸς μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς."

ТЕЛО ХРИСТОВО:
КОНСТАНТЫ И
МЕТАМОРФОЗЫ
СВЯЩЕННОГО

evangelical.council@gmail.com

УДК 277.4(082)
ББК 86.376
МЗ4

МЗ4 **Философско-религиозные тетради. Тетрадь №008.**
Тело Христово: константы и метаморфозы священного.
— Москва-Гераклея. МРО ЕХБ «На Руси», 2016. — 104 с.
Общая редакция и вступление – Градировский С.Н.
Верстка и дизайн – Грибачева М.С.
Корректурa – Утукина М.А.

Неклерикальный способ рассуждения о Боге, Его помыслах и действиях в мире, Его благодатном воздействии на жизнь людей оказался наиболее продуктивной формой богомыслия русского религиозного сознания, напряженно ищущего «последних ответов». И именно эту традицию намерены продолжать авторы философско-религиозных тетрадей.

Христианское мировоззрение является тем самым полем, на вспаханной и открытой Небу ниве которого происходит свободное обсуждение поднимаемых вопросов. Переход к ретроспективному анализу и еще дальше – к археологии специальных знаний позволяет рассматривать проблему шире, выявляя ее сугубые особенности. Использование философского инструментария помогает совершать более глубокую проблематизацию и, одновременно, более интересную и масштабную контекстуализацию материала, а в духе молитвенного созерцания делать прогнозы в исторической и эсхатологической перспективах. Наконец, бескомпромиссность богословской позиции задает дискуссии «небесный вектор», заставляя в поиске ответов на животрепещущие вопросы преодолевать притяжение земного и ориентироваться на Вечность горнего мира.

Настоящий сборник посвящен одной из самых острых богословских проблем современности – что есть в замысле Церковь Христа и как она может исполнять заповеданную ей Господом миссию в сегодняшнем и, особенно, в завтрашнем мире? Есть ли в нас самих сила «живых камней», чтобы вновь и вновь открывать в себе и для себя исцеляющее Тело Христа, видеть Церковь не застывшей, а творящей – вечно цветущей, восторгаться ее проникающим всеприсутствием?

Основу сборника составили доклады, представленные на Второй Предпасхальной богословской конференции «Церковь вчера, сегодня и завтра: формы и суть», которая состоялась в апреле 2013 года в Донецком христианском университете.

УДК 277.4(082)
ББК 86.376

ISBN 978-5-905150-08

© РБШ
© Евангельское движение
© МРО ЕХБ «На Руси»
© М. Дубровский, Ю. Черноморец
М. Черенков, С. Градировский

Содержание

Вступление	7
<i>Михаил Дубровский</i>	
Размышления о тайне Церкви: Божий замысел и ответственность человека	11
<i>Юрий Черноморец</i>	
Христианство XXI века: перспективы исторических церквей	35
<i>Михаил Черенков</i>	
Церковь завтрашнего дня: возвращение к «открытому христианству»	61
<i>Сергей Градировский</i>	
Два слова о Церкви: Омифатическая и апофатическая экклезиология	77
<i>Ирина Скоробогатова</i>	
Послевкусие	97
Схема "Институты Церкви"	30
Схема экклесийного вопрошания	102

«Всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13:52)

Обращение к читателям тетради

Вы держите в руках не учебник и не пособие по экклезиологии. Поместить представленные ниже статьи в качестве учебного пособия было бы немалым риском как для издателя, так и для методиста или преподавателя курса, решись они рекомендовать все это своим студентам. Если вы рассчитываете найти в этом сборнике рассудительное и систематическое изложение основ экклезиологии, если вы надеетесь на сумму правильных ответов – не тратьте время зря. Но если Вас, так же как и авторов, беспокоит недостаточная глубина собственной экклесийной жизни, если Вы жаждете Церкви-как-общины-веры, Церкви-живого-организма, если Вы верите, что Церковь есть самое удивительное из Его творений, – Вы найдете под этой обложкой немало проникновенных и глубоких мыслей.

Авторы статей, вошедших в сборник, представляют разные христианские традиции и по-разному воплощают в своей жизни призыв быть Его учениками и Его свидетелями. Как ученики они далеко не во всем согласны между собой, а потому акценты, расставляемые ими, могут существенно отличаться. Но авторов объединяет одно – желание служить и трудиться над созиданием Тела Христова, не сторонне, но собою творить новое, неповторимое, собственными телами и душами складывать стены Храма.

На этих страницах мы встретим порою страстный, порою рациональный и непременно честный поиск ответов на не самые простые вопросы, которые ставит перед сыновьями и дочерьми Церкви современный мир. Авторы на различном материале пытаются показать (хотя бы проговорить), как можно практически удерживать внемирность и историчность Церкви одновременно.

Апостол Павел не случайно говорил о Церкви как о тайне. Эта тайна открывается только через глубокую сопричастность жизни Тела Христова, но никак не через сторонние рассуждения о Церкви. Здесь не в силах помочь формальная принадлежность той или иной деноминации. Глаголы жизни открываются ищущему. Но познание еkkлeсийной тайны не может быть завершено, ведь каждая новая попытка проникновения помогает всякому сделать пусть еще один шаг к более полной и целостной жизни в Нем и для Него.

Авторы сборника не претендуют на силу окончательных ответов. Для них важно другое – пригласить читателя к совместному поиску и совместному открытию истин: как нам сегодня, в данности мира и войны, в данности все ускоряющегося прогресса и нарастающего плюрализма быть Церковью Иисуса Христа, жить как Его народ и нести современникам Радостную Весть о Его сущем и грядущем Царстве.

*От редактора
MMXVI Anno Domini*

«Церковные институты нужны не для того, чтобы по ним определять, что является церковью, а что – нет. Назначение институтов в том, чтобы постоянно восстанавливать онтологический и сотериологический смыслы Церкви в контексте реального воплощения. Исторически институциональность возникает именно таким образом: введение института епископата, который позже был дополнен апостольским преемством, формирование канона Священного Писания, Символов веры и борьба с ересями происходили именно в стремлении к сохранению истинного смысла Радостной Вести. Неспособность удержать различие институтов с теми сущностными характеристиками, ради сохранения которых они и были созданы, привело к абсолютизации самих институтов. А потому возврат Церкви к ее подлинным основаниям, восстановление ее сущности исторически чаще происходило не посредством церковных институтов, а через слом и уничтожение устаревших институциональных форм».

Михаил Дубровский

Размышления о тайне Церкви

Божий замысел и ответственность человека

Михаил Дубровский

Мне в откровении дано было узнать Его тайну, как я вкратце писал выше. Следовательно, прочитав, вы сможете представить, как я понимаю тайну Христа. В прежних поколениях человечеству не дано было знать этой тайны, но теперь Дух открыл ее святым Божиим апостолам и пророкам. Она в том, что и язычники получают то же наследие, и они – часть единого тела... (Эф. 3:2-6, РБО 2011)

Церковь есть величайшее чудо, явленное Богом на земле. Из самых обычных людей Бог созидает новый народ – основание и предвкушение будущего мира. Несовершенные люди, собранные вместе, становятся Храмом Бога Живого, Телом Христовым, в наших неумелых попытках поклоняться Богу и служить ближнему проявляется сила Святого Духа, открывающая для нас Вечность среди самых обычных дел... Это чудо совершается прямо у нас на глазах – но для большинства остается тайной.

В основу данной работы положен доклад на Предпасхальной богословской конференции, состоявшейся в апреле 2013 года на базе Донецкого христианского университета. Позже текст был доработан в рамках Московского богословского семинара

Нужны глаза веры, чтобы разглядеть Божье присутствие и действие в этом мире. Нужна открытость к Духу Бога, чтобы проникнуть в Его тайну (1Кор. 2:12).

Размышлять о тайне Церкви необходимо, поскольку Тело Христово есть богочеловеческий организм, а значит, существует наша ответственность за исполнение Его замысла о Церкви. Изменения, происходящие в мире, а также кризис привычных форм церковной жизни с особой остротой ставят вопрос о том, что *есть* Церковь и как *быть* Церковью в нашем мире. Ответ на эти вопросы требует прояснения, что есть неизменная сущность Церкви как тела Христова, а что – не более чем исторические формы, которые Церковь принимает в тех или иных обстоятельствах, а также каковы место и роль церковных институтов в Божьем замысле о Церкви.

Размышляя о тайне Церкви, важно помнить, что не существует некой «идеальной Церкви»; Церковь всегда реальна, а значит – всегда несет в себе как отражение Божественной славы, так и человеческой греховности¹. Это верно относительно Ранней Церкви, описанной в Новом Завете: ни одна из общин, упомянутых в Деяниях или посланиях (включая Иерусалимскую!), – не являются эталоном, единственно верной моделью Церкви! Идеализация раннего периода церковной истории приносит больше вреда, чем пользы: не только потому, что некоторые христиане пытаются воссоздать «подлинно библейский образ Церкви», но и потому, что такое представление рождает бесплодные мечтания о «совершенной церкви» вместо деятельного участия в жизни церкви реальной.

Будем помнить: практически все книги Нового Завета написаны с целью исправить вероучительные, нравственные или организационные ошибки в той или иной общине.

¹ Книга Ганса Кюнга «Церковь» помогла мне достроить мои, прежде сумбурные, представления о реальности Церкви и связи ее сущности с ее историческими формами, за что я чрезвычайно признателен автору и издательству ББИ. Подробнее об этом вопросе см.: Кюнг Ганс «Церковь». – М.: Издательство ББИ, 2012, с.16-20

Верно это в отношении и средневековой Церкви, и современной. Мы склонны указывать на заблуждения и пороки Церкви Средневековья и обращать внимание на ошибки и несовершенство Церкви, частью которой мы сейчас являемся. Но будем помнить: Дух Божий по-прежнему действует в народе Божьем, Церковь – такая, какая она есть, – по-прежнему есть Тело Христова. И пусть никакие человеческие несовершенства не помешают нам замечать Его присутствие и действие среди нас и через нас!

Относится это и к Церкви будущего – нам не следует ожидать появления Церкви, в которой наша греховность уже будет преодолена. Мы призваны жить в *реальной* Церкви, участвуя вместе с Господом в созидании Тела Христова в меру тех даров, которые нам даны (Эф. 4:16). И тогда Господь будет направлять наши несовершенные усилия так, что в этом мире будет являться Его слава, открываться Его Царство и преображаться жизнь людей.

Размышляя о тайне Церкви, нельзя строить иллюзии, что неизменную сущность можно выделить в самостоятельную субстанцию, отделив ее от конкретных исторических форм церковной жизни. Божественное и человеческое существуют в Церкви «нераздельно и неслиянно» – ведь речь идет о Телe Христовом! Церковь существует *только* в конкретных исторических формах, а не как «идеальный объект», а потому и изучать ее нужно *в* и *через* ее исторические формы. Говоря о неизменной сущности Церкви, мы говорим о том, что выделяет Церковь из ряда других, в том числе религиозных, организаций. Что позволяет ей, при всех исторических перипетиях, человеческой греховности и ошибочности, при неспособности нас как христиан держаться пути Христова, все же оставаться именно Церковью – Телом Христовым, начатком и предвестником нового человечества и нового мира.

Что указывает на сущность Церкви?

На первый взгляд, можно выделить сущность Церкви через понимание ее миссии. Иначе говоря, есть то, что Церковь призвана осуществлять в любую эпоху и при любых обстоятельствах. Очевидно, что именно в этих неизменных видах служения/деятельности Церкви и должна проявляться ее подлинная сущность. Положив в основание этого поиска Великое Поручение и Наибольшую Заповедь, можно выделить пять основных функций Церкви, которые она должна осуществлять независимо от того, в каких обстоятельствах находится:

1. Церковь призвана проповедовать Евангелие, нести Радостную Весть (Мф. 28:19). Формы благовестия и особенности провозглашения Евангелия могут и должны меняться от культуры к культуре, однако само Поручение и сама Радостная Весть остаются неизменными.

2. Церковь призвана воспитывать тех, кто откликнулся на Евангелие, как учеников Христа, научая каждого христианина «исполнять все, чему учил Спаситель» (Мф. 28:20). Ученичество – неотъемлемая функция Церкви: если она перестанет воспитывать учеников, скоро будет некому благовествовать!

3. Церковь – это община. Это вытекает из всего Нового Завета: вне реальной общинной жизни нет Церкви, нет благовестия, нет ученичества, нет любви друг к другу. Иными словами, никто не может быть христианином без общности с другими христианами. Формы этой общности также будут сильно зависеть от культурного контекста, но Церковь каждый раз должна восстанавливать подлинную общинную жизнь.

4. Церковь призвана служить людям: как тем, кто является частью общины, так и внешним. Это – деятельное выражение заповеди о любви к ближнему (Мф. 22:39).

5. Наконец, Церковь живет поклонением Богу (Мф. 22:37-38).

Принципиально список может быть другим. В ходе работы обсуждались, например, варианты, включающие в себя отношение к государству (хотя существование государства не является непременным условием существования Церкви). В литературе можно встретить и другие способы описания миссии Церкви.

Однако оказывается, что какую бы классификацию мы ни выбрали, это не помогает нам увидеть *сущность* Церкви. Легко заметить, что абсолютно так же понимает свою миссию и любая другая (нехристианская) религиозная община: распространение своего вероучения, воспитание своих последователей, формирование общинной жизни, определенное социальное служение и в какой-то форме выраженное поклонение божеству – неотъемлемые качества любой воспроизводящей себя религиозной группы. И если таким образом пытаться определить сущность Церкви, христианство оказывается просто одной из множества религий.

Поставим вопрос: «Что отличает Церковь от любой другой религиозной общины?». Ответ очевиден: Церковь есть Тело Христово. Именно живое присутствие Христа через Святого Духа и делает собрание людей Церковью. Нет Христа – нет и Церкви. Если в сообществе людей нет реального присутствия Святого Духа, это сообщество нельзя назвать Церковью, даже если есть в наличии все внешние атрибуты: соответствующее помещение, благообразные служители, должный порядок богослужения... Именно присутствие и действие Святого Духа преобразует собрание обычных людей в Церковь, в Тело Иисуса Христа. Святой Дух делает рассказ о Христе *Евангелием*, Радостной и спасающей Вестью. Святой Дух позволяет в процессе ученичества направлять христиан к следованию не вероучению и не за человеком, а за Христом. Святой Дух приносит в общину атмосферу Неба, а Его отсутствие превращает церковные общины в самые скучные и душные сообщества. Его присутствие в нашей деятельности позволяет нам не просто отвечать на нужды людей, но открывать им Царство Неба. Наконец, только Святой Дух делает живым общение с Богом в поклонении и молитве.

Мы не можем утверждать, что соблюдение канона гарантирует присутствие Святого Духа. Во-первых, Бог реагирует на веру и только на веру. Внешние признаки никогда не обещали Его живо-

го присутствия – и Писание приводит множество свидетельств о том, что соблюдение всех правил богослужения (заметим: правил, которые ранее Им Самим и были установлены!) совершенно не гарантировали ни Его присутствия, ни, тем более, Его благоволения. Во-вторых, живой опыт богообщения показывает, что Бог может присутствовать в самых разных общинах, и Его не смущают различные традиции благочестия и поклонения. С Ним можно встретиться как в благоговейной тишине собора, так и в шуме харизматического прославления, Он дает нам Себя как в пресном хлебе, так и в кислом... Но Его также может и не быть: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23:38) – слова эти обращены не только к евреям, но и ко всякому, кто полагает свое упование не в Боге, а в религии, кто рассчитывает, что верное исполнение ритуалов обеспечит Его присутствие.

Итак, если Церковь есть Тело Христово, Храм Духа и народ Завета, тогда описание ее сущности должно выражать:

- реальность присутствия Троидного Бога среди Своего народа;
- роль Церкви в спасении и связь церковной жизни со спасительной работой Христа.

Говоря другими словами, сущность Церкви описывается через тринитарный и христологический догматы.

Церковь как образ Троидного Бога

Можно определить Церковь как избранное Богом сообщество людей вокруг Христа в Духе Святом. Иными словами, важнейшие характеристики Церкви, выражающие реальность Божьего присутствия среди нас, – это Божье избрание, христоцентричность и действие Святого Духа. Подлинная Церковь характеризуется присутствием и действием в ней всех трех Божественных ипостасей. При этом важно помнить: поскольку Церковь есть богочеловеческий организм, Тело Христа, присутствие Бога должно быть проявлено в жизни общины, иметь человеческую проекцию. «Чисто духовное» понимание Божьего присутствия в Церкви грешит гностицизмом.

Как можно определить, что данное сообщество людей является Церковью? Или, другими словами, какие признаки дают основания утверждать, что Бог реально присутствует в том или ином сообществе? Исторические церкви отвечают на этот вопрос просто: апостольское преемство и правильное совершение таинств гарантируют Божье присутствие и действие, а значит, и делают эту общину Церковью. Простота такого решения подкупает, однако ни Библия, ни история Церкви не позволяют согласиться с этим утверждением. Подчеркнем еще

раз сказанное выше: Писание полно свидетельств того, что Бог отказывался принимать служение людей, если их сердца не были Ему преданы. И, несмотря на то, что священники строго соблюдали преемственность рукоположения и четко выполняли ритуалы, заповеданные Самим Богом на Синае, мы слышим голос Господа через пророков:

К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всежожениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. (Ис. 1:11-15)

Вот, вы надеетесь на обманчивые слова, которые не принесут вам пользы. Как! вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи и кадите Ваалу, и ходите во след иных богов, которых вы не знаете, и потом приходите и становитесь пред лицем Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: «мы спасены», чтобы впредь делать все эти мерзости. Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое? (Иер. 7:8-11)

Много позже Иисус адресует слова Иеремии уже Второму Храму, предсказывая, что «камня на камне не останется на этом месте». Сказанное в отношении ветхозаветного святилища верно и по отношению к Церкви: Дух Святой не обязан следовать формальным признакам того, что есть Церковь. И Его действие в сообществах, которые не соответствуют требованиям апостольского преемства или иным «общепризнанным» характеристикам церковности, – лишнее тому доказательство. А потому нужно искать иные, более точные формы идентификации церковности той или иной общины.

Утверждая, что Бог реально присутствует в Своем народе, мы ожидаем, что это присутствие будет иметь явные зримые проявления. В Деяниях апостолов неоднократно отмечается, что апостолы признавали общину верующих Церковью тогда и только тогда, когда

видели явное проявление присутствия Святого Духа (Деян. 8:14-17; 10:44-48: 11:15-17; 19:1-7). Поскольку Господь «вчера, сегодня и вовеки Тот же» (Евр. 13:8), было бы логичным ожидать, что это верно и в наши дни. Какие зримые признаки того, что данная группа людей действительно избрана Богом? Что

Христос действительно находится в центре этой общины? Что посреди этих людей действует Святой Дух?

Святость как признак избранности Отцом

Церковь есть сообщество людей, избранных (призванных) Богом. Само слово *ἐκκλησία* буквально означает «вызванные». Выражения «церковь Божья» или «церковь Христа», которые Новый Завет использует, чтобы отличить христианскую общину от собственно городской *ἐκκλησία*, означает, что этих людей вызвали (призвали) не люди, а Господь. Апостол Павел говорит об этом так:

Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мертвых... (Гал. 1:1)

Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам... (Гал. 1:15-16)

Избрание – это тайна Божья. Мы не знаем, как и почему Бог избирает людей ко спасению. Однако мы можем ожидать, что если человек откликается на Божий призыв, это будет каким-то образом проявлено в его жизни. Апостол Петр пишет:

Как послушные дети, не допускайте, чтобы ваша жизнь определялась теми желаниями, что владели вами в те времена, когда вы не знали Бога. Напротив, будьте и сами святы, и пусть все поведение ваше будет свято, как свят Тот, кто призвал вас. Потому что в Писании сказано: «Будьте святы, потому что Я свят». (1Пет. 1:14-16, РБО 2011)

Требование святой жизни напрямую увязывается с избранием/призванием нас Богом. С апостолом Петром полностью согласен и Павел:

Он нас избрал, в единении с Ним, еще до сотворения мира, чтобы мы были перед Ним святыми и непорочными и жили в любви. (Эф. 1:4, РБО 2011)

Мы избраны Богом, чтобы, оставаясь в мире, не оскверняться злом этого мира (Ин. 17:14-17), тем самым свидетельствуя, что жизнь человека может и должна быть иной, что грех является не нормальным состоянием, а извращением нашей подлинной сущности. Божье избрание сделало нас участниками Божественной природы, открыло для нас возможность жить качественно иной жизнью:

Его Божественная сила одарила нас всем необходимым для жизни и подлинного богопочитания – через познание Того, кто призвал нас Своей собственной славой и добродетелью, благодаря которым дарованы драгоценные и величайшие обещания. Они дарованы для того, чтобы с их помощью вы стали сопричастными Божественной природе, избежав гибели, связанной с желаниями этого мира. (2Пет. 1:3-4, РБО 2011)

Святость – не только нравственность, принципиально нравственная жизнь возможна и без Христа. Святость, прежде всего, это отделенность для Бога, жизнь, устремленная к Нему. Именно эта устремленность, благодаря которой мы приобретаем Божественной жизни, и создает жизнь иного качества, частным проявлением которого является нравственность.

Любовь как свидетельство присутствия Сына

Церковь есть сообщество вокруг Христа. Именно Он призывает нас к Себе (Мф. 11:28-30), чтобы мы следовали за Ним (Мф. 4:19). Он есть центр нашей веры. Он – Господь Церкви. Если в центре общины находится что угодно: традиция, верование, служение, но не Христос, эту общину нельзя назвать Церковью. Даже в том случае, если это христианская традиция, верование соответствует самой строгой ортодоксии, а

служение совершается ради Христа и от Его имени. Он обещал быть среди нас только в том случае, если мы собраны во имя Его (Мф. 18:20). Как мы можем определить, что та или иная община действительно собрана во Имя Христа?

Христос дает неожиданный, но очень точный признак общины, в центре которой находится Он:

Если будет любовь между вами, все узнают, что вы – Мои ученики. (Ин. 13:35, РБО 2011)

Иисус называет любовь основным признаком следования за Ним. Важно подчеркнуть – речь идет именно об общине: если в общине присутствует любовь между ее членами, то такую общину можно назвать христианской. Любовь между нами – верный признак того, что Христос в центре нашего общения.

Этот признак кажется парадоксальным только на первый взгляд. Речь идет не о дружеских отношениях между людьми

одного круга и близких интересов. Христианская община состоит из самых разных людей, и социальные барьеры между ними могут быть достаточно высокими. В ситуации первого века от Рождества Христова иудеи не могли есть вместе с язычниками (Деян. 11:1-3), а господин никогда не сел бы за стол вместе со своим рабом (Лк. 17:7-8). И только общность, которую все эти люди обрели во Христе, позволяла им преодолевать социальные барьеры, становясь братьями и сестрами друг другу. И совсем не случайно присутствие Христа среди нас ощущается особенно сильно, когда мы служим «униженным и оскорбленным»!

Мы можем жить в любви только в том случае, если мы принимаем другого «как Христос принял нас в славу Божью» (Рим. 15:1-7). Лишь устремленность к Христу позволит нам раз за разом преодолевать социальные барьеры, которые в наши дни менее явны, но от этого не менее высоки, а также наше чисто человеческое желание общаться с одними и избегать общения с другими. А потому атмосфера любви – вернейший признак того, что «Христос посреди нас».

Действие даров как проявление Святого Духа

Церковь есть сообщество в Святом Духе. Святой Дух открывает присутствие в общине Отца и Сына (Ин. 14:23). Наполненность Духом делает нас живым свидетельством Христа (Деян. 1:8). Действие Его даров превращает общину христиан в Храм, где Бог являет Себя в силе и славе.

Церковь Христова – это пространство, где великий и благой Бог восполняет наши нужды по богатству Своей славы (Фил. 4:13). И происходит это посредством действия Его даров, которыми Он щедро наделил Свой народ:

Каждый из вас получил свой особый дар, так распорядитесь разумно этим многообразием Божьих даров для служения друг другу. (1Пет. 4:10, РБО 2011)

Мы не можем служить друг другу как должно, опираясь только на свои ресурсы, силы и способности. Большинство проблем в принципе неразрешимы на человеческом уровне! Но через дары Духа действует Его сила и мудрость, мы получаем доступ к Его богатству: через наши несовершенные человеческие действия Бог дает Свой совершенный ответ на нужды людей.

Тот же принцип верен и в отношении благовестия и служения Церкви миру. Мы посланы в мир «как овцы среди волков» (Мф. 10:16). Мир противится Богу и отвергает Его вестников. Если «овцы» будут полагаться на свои силы, «волки» их попросту сожрут! Мы можем быть Его свидетелями, только будучи исполненными Духом Святым и действуя в Его дарах. Только сверхъестественная сила Господа позволяет преодолеть сопротивление мира и явить в этом мире Царство Божье:

А если Я Божьей силой изгоняю бесов, значит, Царство Бога уже пришло к вам. (Лк. 11:20, РБО 2011)

Речь идет не только о харизматических дарах, которые Павел перечисляет в 1Кор. 12:7-9, хотя и о них тоже. Но разнообразие даров намного больше девяти проявлений Духа. Дар управления не менее важен, чем пророчество, и дары увещевания (душепопечения) также необходимы, как и дары исцелений. Ходатаи и учителя, предприниматели, через бизнес несущие Его Царство, музыканты и волонтеры – все множество даров, упомянутых в Писании, и еще больше – не упомянутых, необходимы для созидания Церкви и ее плодотворного служения в мире. И если мы хотим, чтобы присутствие и действие Святого Духа было явным в наших общинах, мы должны приложить усилия к выявлению и раскрытию даров тех, кого Господь уже привел в Церковь, а также к созданию атмосферы в общине, чтобы эти дары могли свободно проявляться.

Святость – устремленность к Богу и отделенность от греха, любовь между нами и атмосфера, в которой раскрываются и действуют дары Духа, – таковы зримые признаки Божьего присутствия в общине и, следовательно, того, что эту общину можно назвать подлинной Церковью Иисуса Христа. Важна совокупность всех трех признаков: без любви

мы скатываемся в законничество, без действия даров Духа у нас не будет силы для исполнения воли Божьей, а отсутствие святости делает нас открытыми чуждому духу. Ни в одной реальной общине эти три признака не присутствуют в полной мере. Церковь – Тело Христово, а значит – богочеловеческий организм. И человеческие слабости и недостатки влияют на то, как выглядит реальная христианская община. Тем не менее в подлинной Церкви мы должны видеть и стремление к святости, и упорный труд по достижению атмосферы любви, и внимание к каждому человеку, чтобы его дары и таланты могли раскрыться в полной мере. Отсутствие же этих признаков должно заставить нас всерьез задуматься, можем ли мы назвать такую общину Церковью, даже если присутствуют все формальные признаки церковности.

На примере этих трех признаков мы видим, что действие Божье требует соответствующего ответа от человека. Мы становимся Церковью, не просто пассивно воспринимая действие Божьей благодати, но активно и деятельно откликаясь на это действие, соучаствуя в нем. Это наблюдение позволяет нам поставить вопрос о роли Церкви в спасении. И тем самым показать еще одну грань сущности Церкви.

Сотериология Церкви: роль Церкви в спасении

Христианство с самого начала возникает как вера не только личная, но и общинная. Христос, призывая учеников следовать за Ним, сразу формирует из них общину. И уже в контексте этой общины происходит их формирование как апостолов – посланников Христовых. Истолкование притч, обсуждение сложных вопросов, служение людям, разрешение конфликтов – все это происходит в контексте апостольской общины. В Евангелиях нет ни одного примера, когда

Христос наставляет кого-то из Своих учеников наедине. Общинная жизнь с самого начала включена в ДНК христианской веры!

Великое Поручение, данное апостолам Господом, содержит повеление идти к людям «уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:20). «Все», чему их следует научить, включает и общинную жизнь.

Стоит ли удивляться, что все книги Нового Завета написаны в контексте жизни церковной общины, описывают жизнь общины и дают ответ на проблемы данной общины. Вне общинного контекста смысл многих новозаветных текстов искажается либо теряется совсем. Книги Нового Завета подразумевают, что их читатели принадлежат той или иной церковной общине. Следование за Христом совершается не в одиночку!

Сотериологическое значение Церкви отражено и в хрестоматийном диалоге Иисуса с учениками в районе города Кесария:

Сотериологическое значение Церкви отражено и в хрестоматийном диалоге Иисуса с учениками в районе города Кесария:

Придя в земли Кесарии Филипповой, Иисус спросил Своих учеников: «Кем считают люди Сына человеческого?». «Одни говорят, что Ты – Иоанн Креститель, другие – что Илия, а некоторые – что Иеремия или один из пророков», – ответили они. «А вы кем считаете Меня?» – спрашивает их Он. «Ты – Помазанник, Сын Живого Бога», – ответил Симон Петр. «Ты счастливый человек, Симон, сын Ионы, – сказал Он, – потому что тебе открыли это не люди, а Мой Небесный Отец. Поэтому Я говорю тебе: ты – Скала, и на этой скале Я возведу Мою Церковь, и даже силам преисподней ее не одолеть. Я дам тебе ключи от Царства Небес, и то, что ты запретишь на земле, запретят на небесах, а что разрешишь на земле, разрешат на небесах». (Мф. 16:13-19, РБО 2011)

Сразу после исповедания Петром Иисуса Мессией, Спаситель начинает говорить о Церкви, которая основывается на этом исповедании Петра. Эта взаимосвязь не может быть случайной. И если мы все согласны, что исповедание Иисуса

Христом – ключевой вопрос нашего спасения, то и упоминание Церкви в этом контексте показывает, что это спасение совершается не иначе, как в Церкви! Иными словами, принадлежность церковной общине – не приятное, но необязательное дополнение к личной вере. Это неотъемлемая часть следования за Христом.

Не менее важен в сотериологическом смысле и образ Церкви как Тела Христова, неоднократно используемый ап. Павлом в письмах к разным церквям. Тот факт, что письма адресованы общинам, имеет важное значение: для первых читателей (точнее, слушателей) апостольских посланий метафора Тела Христова воспринималась не сама по себе, а в контексте жизни их собственной церковной общины. Таким образом, не абстрактные «члены», а конкретные мужчины и женщины, молодые и старые, рабы и свободные, иудеи и язычники были соединены в живой организм благодаря отношениям любви и сослужения. Мы – не просто люди, собранные в одном месте, мы – органы единого богочеловеческого организма! Это требует совершенно иного отношения к конфликтам, к нуждам друг друга, а наши дары и способности должны служить другим. Кроме того (и главным образом это относится к использованию данной метафоры в посланиях к Эфесянам и Колоссянам), образ Тела Христова раскрывался и как образ Вселенской Церкви, которая состоит из таких же поместных общин и частью которой эта община является. Из чего следовала необходимость оказывать помощь тем общинам, которые в ней нуждались (2 Кор. 8:13-15). Для христианина первого века образ Тела – не богословская абстракция, как для многих наших современников, а непосредственное руководство в том, как следует относиться к другим христианам в своей общине, а также к другим общинам.

С учетом вышеизложенного рассмотрим взаимосвязь образа Тела и вопроса спасения.

Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. (1 Кор. 12:12-13)

Поскольку для Павла существует только одно крещение (Эф. 4:5), можно утверждать, что в приведенной выше цитате из послания Коринфянам Павел говорит о крещении в Христа как крещении в Тело Христово. Собственно, именно на этом основании он критикует и разделения в коринфской общине: «Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор. 1:13). Крещение соединяет нас с Христом и, одновременно, с Его Телом, Церковью, что практически выражается в принадлежности поместной общине. Речь, конечно, не о формальном членстве, а о глубоких отношениях любви и взаимного служения с другими христианами. Существует ли для Павла спасение без такой взаимосвязи? Если бы спасение означало только личную веру, Павел наверняка не стал бы обосновывать требование единства общины крещением, как не стал бы отождествлять крещение в Христа и крещение в Его Тело.

Рассмотрим еще один отрывок: Эф. 1:20-2:10. Сначала Павел говорит об Иисусе Христе, воскресшем из мертвых и вознесенном как Господе всего творения. Но Павел утверждает не только господство Иисуса: Он есть и Глава Церкви, которая, в свою очередь, есть Его Тело. Затем апостол переходит к описанию перемены, которая произошла в нашей жизни: во Христе мы оживотворены (воскрешены с Ним) и посажены на небесах. Контекст отрывка не оставляет сомнений: во Христе означает как члены (органы) Тела Христова.

Далее Павел продолжает (Эф. 2:11-18): прежде язычники были без Христа и отчуждены от общества Израильского и потому на них не распространялись обетования Завета. Но через Христа преграда между Израилем и язычниками разрушена, и Бог теперь из тех и других созидает новый народ. Павел выражается еще сильнее: он говорит о новом человеке, совокупном новом

человечестве, рождающемся во Христе. Снова принадлежность Христу неотделима от принадлежности Телу Христову!

Судя по всему, традиционное для протестантизма подчеркивание личной веры хотя и верно, но неполно. Чрезмерный акцент на личных отношениях с Христом приводит к потере значения общины в вопросе спасения. Как следствие, все больше людей отказываются от Церкви, считая, что личных отношений с Богом им вполне достаточно. Но и книги Нового Завета, и практика служения показывают, что без общины поддержание по-настоящему глубоких отношений с Богом невозможно. Необходимо формировать более целостную сотериологию, в которой спасение понималось бы не только индивидуально, но и церковно, а также более глубокую экклезиологию, которая не только описывала бы Церковь и ее функции, но открывала бы роль Церкви в вопросе спасения.

Значение церковных институтов

Последний вопрос, который нам предстоит рассмотреть, касается роли церковных институтов в созидании Церкви. Выше уже отмечалось, что в сотериологии исторических церквей институты имеют решающее значение: Церковью считается только такое сообщество христиан, вероучение которого соответствует Символу веры, в котором сохранено апостольское преемство епископов и правильно совершаются таинства. Фактически именно институты определяют, является ли то или иное сообщество Церковью в полном смысле этого слова. Надо сказать, что многие протестантские общины воспроизводят тот же подход, правда, в сильно упрощенном виде. Достаточно вспомнить, что большинство протестантов не признают общину *церковью*, если в ней нет рукоположенного пастора! Как будто наличие пастора уже гарантирует, что все остальное в этой общине будет происходить должным образом. Фактически мы сталкиваемся с редуцированным принципом апостольского преемства, но без должного исторического и богословского основания. Можно привести и другие подобные примеры.

Несогласие с таким подходом не всегда означает отказ от институтов в принципе. Скорее, нам следует переосмыслить их роль. Церковные институты нужны не для того, чтобы по ним определять, что является церковью, а что – нет. Назначение институтов в том, чтобы постоянно *восстанавливать*

онтологический и сотериологический смыслы Церкви в контексте реального воплощения. Исторически институциональность возникает именно таким образом: введение института епископата, который позже был дополнен апостольским преемством, формирование канона Священного Писания, Символов веры и борьба с ересями происходили именно в стремлении к сохранению истинного смысла Радостной Вести (Гал. 2:5). Неспособность удержать различие институтов с теми сущностными характеристиками, ради сохранения которых они и были созданы, привело к абсолютизации самих институтов. А потому возврат Церкви к ее подлинным основаниям, восстановление ее сущности исторически чаще происходило не посредством церковных институтов, а через слом и уничтожение устаревших институциональных форм.

Подлинный смысл церковных институтов в постоянной работе по восстановлению в жизни и служении реальной Церкви ее онтологической сущности как образа Троицаго Бога и ее сотериологической функции. Институциональность необходима, если мы не хотим утратить собственные основания. Но нужно точно понимать, зачем они нужны и избегать появления таких институтов, которые не направлены на перманентное восстановление сущности Церкви. Кроме того, понимая смысл институтов именно таким образом, мы сможем избежать их абсолютизации и положить основание для их изменения. При этом сам институт останется, а вот его конкретная форма изменится в соответствии с изменившейся ситуацией. И так Церковь сможет, не изменяя своей сущности, совершать свое служение в постоянно меняющемся мире.

Подлинный смысл церковных институтов в постоянной работе по восстановлению в жизни и служении реальной Церкви ее онтологической сущности как образа Троицаго Бога и ее сотериологической функции. Институциональность необходима, если мы не хотим утратить собственные основания. Но нужно точно понимать, зачем они нужны и избегать появления таких институтов, которые не направлены на перманентное восстановление сущности Церкви. Кроме того, понимая смысл институтов именно таким образом, мы сможем избежать их абсолютизации и положить основание для их изменения. При этом сам институт останется, а вот его конкретная форма изменится в соответствии с изменившейся ситуацией. И так Церковь сможет, не изменяя своей сущности, совершать свое служение в постоянно меняющемся мире.

Что именно в Церкви нуждается в институализации? Исторически и богословски можно указать на три основные сферы церковной жизни, в которых происходит «распаковка» Откровения: церковное вероучение, духовная практика (практика церковного поклонения) и Церковь как народ Завета. В единстве этих трех сфер происходит формирование человека как христианина, который верит, поклоняется и живет в общении с другими братьями и сестрами. Именно в этих сферах происходила борьба с расколами и ересями, здесь пролегал фронт борьбы сегодняшней.

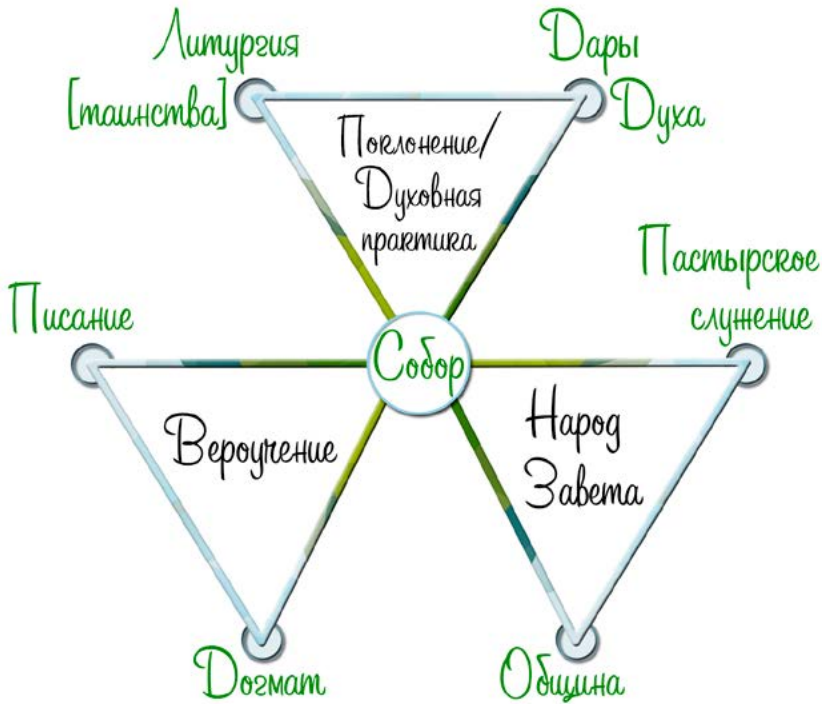
Местом, собирающим в себе все три сферы, является церковный *Собор*, который есть одновременно и народ Завета, и собрание поклонения, и пространство богословского (вероучительного) поиска. В Соборе символически выражена полнота церковной жизни, и не случайно история Церкви – это, прежде всего, история церковных Соборов.

Каждая из сфер церковной жизни есть сочетание порядка и свободы, детерминированности и неопределенности (см. *схему*).

Область **вероучения** составляет такую пару из *Писания* и *догмата*. Писания, которое каждый призван читать и толковать самостоятельно (а потому Писание задает пространство христианской свободы, что и было вновь открыто в эпоху Реформации); *догмата*, который задает и границы для толкования Писания, и направление для размышления. Догмат можно уподобить руслу, по которому устремляется река христианской мысли в своем стремлении объять мир и раскрыть его как Божий замысел. По мере того как эта река наталкивается на все новые вопросы, возникает необходимость формулирования и новых догматов: без русла река пересыхает или превращается в болото. А значит, догматическая работа в Церкви должна совершаться непрерывно!

В сфере **поклонения и духовной практики** можно выделить пару *литургия* (включая *таинства*) и *харизмы Духа*. Общая для всех церковная литургия собирает вместе всю Церковь как народ, поклоняющийся Богу и живущий в Его присутствии. Совместное поклонение и молитва, участие в таинствах задают,

ИНСТИТУТЫ ЦЕРКВИ

© Онтографика РБШ.

в том числе, и вектор для действия харизм Духа: дары должны служить созиданию Церкви, а не источником превозношения друг перед другом и разделений в Телѣ. В свою очередь, разнообразие и различие даров позволяют каждому совершать свое поклонение и служение Господу в соответствии со своим специфическим призванием, раскрывая все более полно ту славу Господа, которой «полна вся земля» (Ис. 6:3). Отметим, что, как и в случае с догматом, единство литургии не предполагает ее абсолютной неизменности: литургическое творчество не только возможно, но и необходимо для Церкви. Принципиально важно, что общее богослужение позволяет церковной общине пред-

стать перед Господом как единому целому, конкретная форма совершаемой литургии имеет второстепенное значение.

Наконец, для жизни Церкви как **народа Завета** важна пара *пастырское служение – общинная жизнь*. Настоящая общинная жизнь – на уровне поместной общины – как разделенная жизнь с другими, а на более общем уровне – как евхаристическое единство – есть зримое выражение нашего единства с Христом как Его народа, народа Завета. В то время как пастырское служение, как правило, структурированное в определенную иерархию, позволяет осуществлять духовное руководство церковным народом. И снова подчеркнем: способы постановки на пастырское служение и устройство иерархических структур могут отличаться. Это, скорее, вопрос культурного контекста. Важно наличие самого института, который позволяет заботиться о народе Божьем.

* * * * *

Подведем итог сказанному.

Первое. Община является Церковью в подлинном смысле этого слова в том случае, если она отражает образ Троица Божия, что проявляется в *святости* (отделенности для Бога), *любви* между членами общины и *действии даров* Святого Духа. Наличие же или отсутствие тех или иных институциональных признаков (разобранных выше) не может быть критерием ни подлинной церковности, ни ее отсутствия.

Второе. Следование за Христом подразумевает принадлежность и участие в жизни церковной общины. Сущность Церкви с необходимостью включает сотериологический аспект. Следовательно, должна быть поставлена задача разработки такой сотериологии, которая бы учитывала роль церковной общины в спасении (следующей задачей должна стать разработка соответствующей экклесиологии).

Третье. Основная задача церковных институтов состоит в том, чтобы способствовать постоянному восстановлению сущностных признаков Церкви. В этом оправдание церковных институтов, и именно это определяет их место в жизни Тела Христова, после чего можно установить критерии оценки необходимости и эффективности той или иной институции.

Все перечисленное суть базовые основания, опираясь на которые можно приступать к содержательному обсуждению тех вызовов, которые ставит перед нами практика жизни и служения церковных общин в современном мире.

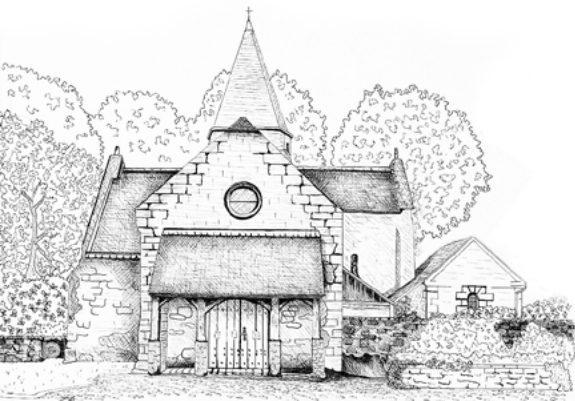
Наиболее острыми из них, на наш взгляд, являются:

— вызов новых церковных форм, как уже появляющихся, так и тех, появления которых можно ожидать в ближайшем будущем;

— вызов современного города, который уже сегодня жестко проблематизирует привычные формы жизни и служения церквей;

— вызов единства Церкви, от ответа на который прямо зависит успех миссии Церкви в мире.

Пусть Бог даст нам мудрости и мужества дать честные и действенные ответы на эти вызовы!

«Все, кто жалуются сегодня, что Мать-Церковь пошла после Второго Ватиканского собора не тем путем, не должны забывать, что для огромного множества католиков последние 30 лет были периодом нового открытия Священного Писания — и Нового, и Ветхого Завета». От авторитета великих богословов и философов схоластики к авторитету Евангелия. От попыток увидеть истину изложенной в документах пап и книгах теологов к видению истины как Христа. От попыток поручить толкование христианских истин разуму к пониманию неотменяемости веры. Таким образом, католики своим путем пришли к тому же, что понял в свое время Лютер...»

«И католичество, и православие подошли к собственной эсхатологической горе Фавор. Как известно, со Христом на гору взошли не только Петр, олицетворяющий католицизм, и не только Иоанн, задавший парадигму всей православной духовности. Также на гору взошел апостол Иаков, олицетворяющий иудеохристианство, предшественника протестантизма в его лучших проявлениях. Готов ли сегодня протестантский мир к тому, что скорлупа ветхих одежд может отпасть и в сиянии Славы Христовой восстанет Церковь первого тысячелетия? Церковь, в которой папы не будут претендовать на абсолютную власть? Церковь, в которой православие будет более протестантским, чем сам протестантизм? Церковь, которая будет единством разнообразия и будет открыта к протестантизму в его лучших проявлениях (община Тезе)?»

Юрий Черноморец

Христианство XXI века

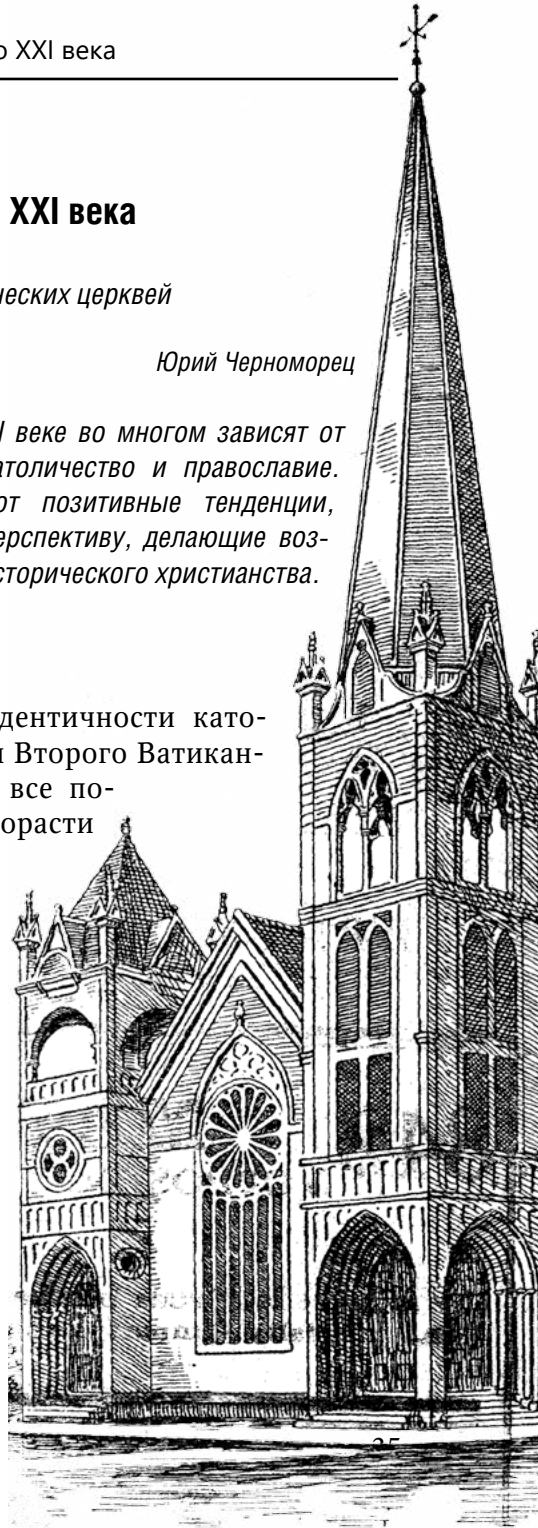
Перспективы исторических церквей

Юрий Черноморец

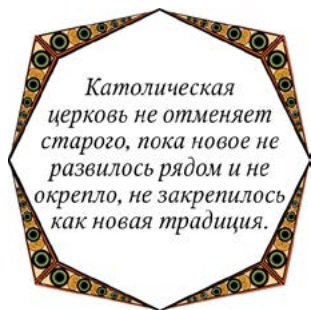
Перспективы христианства в XXI веке во многом зависят от того, как будут развиваться католичество и православие. Особого внимания заслуживают позитивные тенденции, открывающие экуменическую перспективу, делающие возможным духовное обновление исторического христианства.

Обновление католичества

Глубинные изменения в идентичности католицизма связаны с решениями Второго Ватиканского собора (1962-1965). Не все посеянные тогда зерна успели прорасти даже сегодня, спустя 50 лет после собора. Католическая церковь не отменяет старого, пока новое не развилось рядом и не окрепло, не закрепились как новая традиция. При оценке Второго Ватиканского собора чаще всего обращают внимание на внешние изменения: сокращение богослужений, введение литургий на национальных языках, окончательное решение в пользу поддержки демократии и защиты прав человека, в том числе — религиозной свобо-

ды. Все эти изменения важные, но зерна будущей идентичности католичества третьего тысячелетия в основном имеют другую природу и связаны с *учением о Церкви* — ее сути, структуре и авторитете.

Прежде всего нужно сказать об изменении понимания того, что является источником и критерием истины для церковного учения и богословия. До Второго Ватиканского собора источниками истины признавали: Писание, Предание, Учительство Церкви. Последнее было частью Предания, пре-

данием сегодня. Но фактически именно Учительство Церкви определяло то, как было понимаемо Писание и Предание; а само Учительство Церкви концентрировалось на фигуре Папы. Именно папа как епископ Рима и вселенский патриарх определял, что есть истина, и критерием истины де-факто было Учительство Церкви, олицетворяемое папой. Соответствующее учение было закреплено на Первом Ватиканском соборе (1870) как догматическое положение, не подлежащее обсуждению. *Признавалась не только учительная власть папы в церкви, но и абсолютная юридическая власть папы над церковью.* Его решения не могли быть обжалованы даже Вселенским собором, тогда как папа мог признать или не признать решения Вселенского собора.

Второй Ватиканский собор радикально переосмысляет учение об источниках и критериях истины. Единственным источником и критерием истины объявлен Сам Христос. Живой Христос является и посредством Писания, и посредством Предания, и посредством учительства Церкви. Но приоритетным источником истины фактически становится *Божие «Само-Откровение», то есть ясные и однозначные слова Бога в Святом Писании и явные Его чудеса в священной истории.* Таким образом, открывается перспектива преодоления той ситуации,

когда фактическим критерием истины был Папа. Положение осложняется тем, что католическая церковь не отменяет принятые догматы, а пытается их творчески переосмыслить, и потому христоцентрическое понимание религиозной истины лишь постепенно вытесняет папоцентрическое.

Частичное преодоление папизма в учении об источниках и критериях истины открыло возможность и для переосмысления места папы в церкви. До постановлений Второго Ватиканского собора сложилась ситуация, когда церковь основывалась не на камне-Христе, а на камне-папе. Его власть над вселенской Церковью проявлялась и проявляется в благословении, разрешающем возвести на престол любого выбранного на месте (или даже назначенного самим папой) епископа. Фактически апостольское преемство реализуется через папу. А сама католическая церковь существует в силу апостольского преемства. Ограничение такой абсолютной власти возможно через расширение прав других епископов. И Второй Ватиканский собор всячески подчеркивал в своих постановлениях, что папа правит не единолично, а со всеми епископами, объединенными в соборы. После Второго Ватиканского собора распространилась практика совещаний папы с различными «епископскими конференциями» и «генеральными синодами», но для полноты реализации соборности католическая церковь нуждается и в новых созывах вселенских соборов. Намерение предпринять такой шаг и созвать Третий Ватиканский собор уже фактически созрело в епископате католической церкви. Собор нужен не столько для новых перемен, сколько для утверждения самого духа соборности.

В духе принятия экклесиологии соборности католическая церковь формулирует собственное экуменическое предложение православию. Совместная православно-католическая комиссия сформировала общее учение о церкви в «Равенском документе». Согласно этому учению апостольское служение епископов не является самодостаточным, а возникает и реализуется только

в связи с наличием общин. Сами епископы вместе тоже составляют общины, возглавляемые патриархами, которые управляют поместными церквами совместно с соборами епископов. И патриархи должны составлять один постоянно действующий

синод (собор), который де-факто возглавлялся бы патриархом Запада и всей церкви — папой римским. Кроме представителей поместных православных церквей в этом синоде должен быть представлен и голос католического епископата. Сегодняшний папа Франциск составил совещательный орган — синод из восьми кардиналов, без совета с которыми он ничего не предпринимает.

Этот синод является уже реальным началом для будущего общего синода единой Церкви, в котором были бы представлены православные предстоятели поместных церквей, которых сегодня пятнадцать.

Оптимизм относительно перспектив будущего возможного единства католиков и православных основывается на самой сути экуменических предложений, которые высказываются во время православно-католического диалога римско-католической стороной. Фактически предлагается вернуться к Церкви первого тысячелетия, которую *объединяло не организационное единство, а сопричастие*. Церковь не была унифицирована и структурирована так, как во втором тысячелетии это произошло с католичеством и отчасти — с православием. Разнообразие местных традиций не мешало единству. Церковь действительно жила согласно максиме Августина: *«В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всем — любовь»*. Сегодня разнообразие пришло уже в каждый город цивилизованного христианского мира. Уже невозможно поделить мир на «канонические территории» и жить раздельно. *«Да будут все едино» становится актуальным не только для «верхов», но и для «низов»*.

Ради достижения совместного причастия и единства римские папы готовы не только переосмыслить католическую доктрину о церковной власти. Папа Иоанн Павел II в энциклике

«Да будут едино» (1995) выразил готовность убрать из Символа веры слова о том, что Дух Святой происходит «и от Сына» (*filioque*). На совместных богослужениях папы и православных патриархов, которые включают в себя только «литургию слова» с добавлением пения Символа веры, этот последний всегда звучит в его первоначальной, греческой редакции. Католическая церковь признает, что традиционное православное богословие о Троице так же ортодоксально, как и традиционное католическое, а для того чтобы думать о Троице так же, как о ней мыслили Августин и Фома Аквинат, не нужно никаких добавлений в сам текст Символа веры.

Но главное изменение, делающее возможным сопричастие, — это общее изменение типа идентичности с закрытого на открытый. Два типа общества — закрытый и открытый различил в своей классической работе «Два источника морали и религии» французский философ Анри Бергсон.

Закрытый тип, характерный для традиционного общества, тоталитарных режимов, примитивных племен, языческих и мусульманских народов, отличается коллективизмом, патернализмом, статичностью. Традиционное закрытое общество обеспокоено сохранением социального целого (рода, племени, народа, религиозной общины) и совершенно пренебрегает личными устремлениями отдельного индивида. Путь к сохранению целого понимается только как обеспечение постоянного и неизменяемого по сути социального порядка, внешней дисциплины, бескомпромиссная борьба со всеми отклонениями от нормы и от выполнения навязываемого обществом долга — морального, религиозного, правового. В закрытом обществе мораль и религия выполняют функцию охранительскую, и главным их предназначением является блокирование развития личных устремлений человека. Подавление личности происходит в основном через препятствование развитию индивидуальной рациональности путем навязывания различных религиозных и псевдорелигиозных мифов, дающих

иррациональную ориентацию на выполнение внешнего «долга» по отношению к социальному целому.

Открытое общество как постоянная реальность стало возможным благодаря признанию ценности личности, ее сознания, ее свободы, поставлению ценности личной духовной жизни на высоту большую, чем ценность коллектива. Тип поведения, в котором личность способна противостоять общественному целому, является душой европейского цивилизации и возник благодаря трем факторам: древнегреческая мысль, израильские пророки, христианская мистика. Личностный способ бытия формируется не только евангельской моралью, личностной по сути, но и христианской мистикой, позволяющей прочувствовать свободу человека, встречающегося лицом к лицу с Богом. Моральная личность постоянно превосходит себя, преодолевает общечеловеческую, коллективную и свою индивидуальную ограниченность, устремляется к Бесконечности в «жизненном порыве». Традиционную и христианскую мораль (а также мистику) характеризует не только различие норм, но и то, что традиционная мораль статична и имеет целью поддержание порядка, а христианская мораль динамична и призвана открыть перед человеком бесконечную перспективу развития. Соответственно, главные ценности традиционной морали — порядок и послушание, главная ценность христианской морали — любовь. Эта любовь динамична и способна преодолевать все барьеры, все ограниченности. В первую очередь эта любовь способна преодолевать индивидуальный эгоизм, задавать высокодуховный аскетический тон всей жизни, что важно в противостоянии бесконечному потребительскому духу, разрушающему человечность в человеке. Но также эта любовь способна преодолевать и коллективный эгоизм, являющийся причиной всех войн. По Бергсону, открытое общество стремится изменить к лучшему весь мир через любовь и жизненный прогресс, прежде всего — духовный. Закрытое общество стремится сохранить себя неизменным, защитить собственную идентичность, противостоит всякому другому как врагу и постоянно воюет.

До Второго Ватиканского собора Католическая церковь была образцом большого закрытого общества, главным устрем-

лением которого было самосохранение. Этой цели сознательно и бессознательно подчинялась вся деятельность церкви, все идейные течения, одобряемые центром принятия решений. Внутри церкви развернулась борьба с либерализмом (достигшая апогея с 1910-х по 1950-е годы). Де-факто параллельно с протестантским фундаментализмом развивался католический фундаментализм, основанный на верности букве и духу Предания, а *уже* — учительства Церкви, а еще *уже* — учения пап. Поворот к открытости внутри церкви был возможен потому, что католическая церковь с XIII века допустила значительное разнообразие внутри себя, легализировав «нищенствующие ордена» (этих подлинных предшественников реформации) при условии их подчинения папе. Также со второй половины XIX века, выступая против крайностей либерализма и коммунизма, католическая церковь защищала достоинство человеческой личности, постепенно приходя к утверждению, что только демократия, при всем ее несовершенстве, способна обеспечить сохранение достоинства и свободы человека, возможности его подлинного разностороннего развития.

Важнейшим стимулом поворота к открытости стало литургическое возрождение, инициированное папой Пием X (1903-1910), крайним консерватором, стремившимся воскресить средневековье как полноценную альтернативу современности. В рамках этого фундаменталистического проекта папа Пий настаивал, что в центре жизни христианина должно находиться евхаристическое поклонение Богу. По мысли папы это избавило бы современного верующего от эгоцентризма, от увлечения своими мыслями, переживаниями, субъективным опытом. Если Карл Барт звал погруженных в культурные и либеральные фантазии верующих к совершенно Иному Богу, то папа Пий еще до призыва швейцарского богослова звал к Неведомому Богу, являющемуся в Евхаристической Чаше. Поставив на пьедестал совершенного Иного Бога, являющегося общине во время литургии, папа Пий

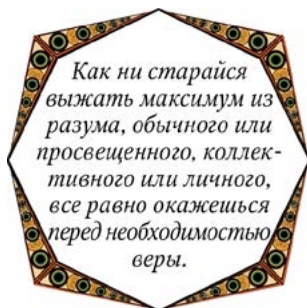

низверг с этого возвышения не только индивидуальное «Я» верующего, но и папизм. Если Бог является во время Евхаристии, и это явление суть высшая достоверность и объективность, то внешний авторитет папы как гласа Божия для Церкви становится второстепенным; а начав внимательнее всматриваться в Дары Евхаристии, католики постепенно пришли и к мысли,

что необходимо внимательнее вслушиваться в Писание, читаемое на литургии. Таким образом, появлялся видимый авторитет, более высокий, чем авторитет папы.

Еще одной чертой перехода от закрытого типа общества к открытому стал отказ католической церкви от псевдорационализма, согласно которому истину существования Бога можно доказать естественным разумом. В догматической конституции Первого Ватиканского собора «Божий Сын», в частности, говорилось: «Если кто говорит, что единый и истинный Бог, Творец наш и Господь, не может быть достоверно познан через сотворенное благодаря естественному свету человеческого разума, да будет отлучен от сообщества верных». Но человеческий разум устроен так, что если он может с полной достоверностью доказать существование Бога, то с такой же полной достоверностью он может доказать и самодостаточность мира.

Как ни старайся выжать максимум из разума, обычного или просвещенного, коллективного или личного, все равно окажешься перед необходимостью веры. Ведь общее положение таково. Или разум не может доказать какую-то духовную истину, но и не может ее опровергнуть. Если же вдруг разум может что-либо доказать, то точно так же он может и опровергнуть доказываемое. Область веры — не чистая математика с ее аксиомами, принципами и теоремами, задачами и их решением. Во времена Второго Ватиканского собора

католики наново открыли, что Бог действует через Церковь, что достоверность духовной жизни выше достоверности всех теологических рассуждений, что Евангельский образ Христа сам по себе самодостверное сияние истины, и Евангелие, прочитанное заново, лучше всех схоластических доказательств.

Выдающийся католический теолог Николаус Лобкович свидетельствует: «Если вы прочтете главный документ, принятый Вторым Ватиканским собором, «Свет народам», у вас останется впечатление, что Отцы Собора хотели бы, чтобы наша вера основывалась больше на Писании, чем на систематической теологии. ... Начиная с 20-х годов большинство значительных теологов (главным образом, французские иезуиты из Лиона) и их ученики вновь открывают древних Отцов и учителей Церкви, таких как Климент Александрийский, Ориген, Григорий Нисский и даже Августин. Такие теологи, как А. де Любак и Х. фон Бальтазар, умели писать теологические трактаты и глубоко, и столь живо, как для богословов последнего столетия было немыслимо.

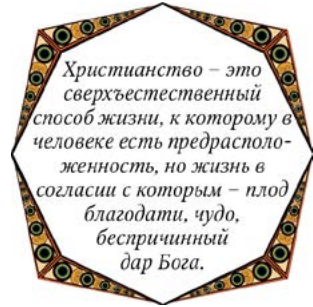
И это потому, что они писали о древних теологах куда менее систематичных, чем Фома, но гораздо более близких к слову Священного Писания. Короче, если смотреть на историю томизма с точки зрения внутрицерковной, то погубило его не влияние современной философии, а возврат к Писанию и новое открытие патристики. ... В 50-е годы, когда я учился у доминиканцев во Фрибурге, мы читали и обсуждали Аквината, Скота и Суареса, но не читали Писания. Конечно, мы слышали его по-латыни во время мессы, кто по воскресеньям, кто каждый день. Но все мы как-то ощущали, что и Евангелие, и Писание в целом, хотя и занимают центральное место в литургии, не так важны, как теология, что означало для нас средневековую теологию, а точнее — средневековую философию, и прежде всего Фому. Все, кто жалуются сегодня, что Мать-Церковь пошла после Второго Ватиканского собора не тем путем, не должны забывать, что для огромного множества католиков последние 30 лет были

периодом нового открытия Священного Писания — и Нового, и Ветхого Завета». От авторитета великих богословов и философов схоластики к авторитету Евангелия. От попыток увидеть истину изложенной в документах пап и книгах теологов к видению истины как Христа. От попыток поручить толкование христианских истин разуму к пониманию неотменяемости веры. Таким образом, католики своим путем пришли к тому же, что понял в свое время Лютер.

Кстати, радикальное изменение в мировоззрении Лютера началось когда-то с мистического опыта, пережитого им во время уединения в башне, с опыта жизненного понимания собственного бессилия и возможности спасения только по благодати Божией. Нечто подобное во времена Второй мировой войны пережил весь католицизм. Общественные бедствия, искушения целых народов антихристианской и псевдохристианской идеологией силы и благополучия, ненависть к целым народам, бесконечные убийства, от которых отдельная личность никак не застрахована. После гибели на фронте целых поколений, с одной стороны, после Освенцима, с другой стороны, оказалась невозможной уверенность в собственных силах, разуме, чувствах, опыте, идеях, принципах, справедливости, солидарности... Оказалась невозможной уверенность в чем-либо человеческом, ибо ничто из этого не спасало во времена бедствий. Во всяком случае не спасало само по себе. Только тогда, когда Бог использовал наше человеческое усилие для спасения — тогда все это работало. Но чаще всего во времена бедствий спасение было ничем не заслуженным даром.

Долгое время, со времен Контрреформации, католическая этика была этикой закона. С XVI века по первую половину XIX столетия включительно это была этика казуистическая, когда католические духовники пытались предусмотреть нормы для всех случаев жизни. Со второй половины XIX века до середины XX столетия католические богословы во главе с папами пытались найти более простую и интуитивно понятную этику. Если в протестантской либеральной теологии торжествовала этика совести, то в католической теологии пытались опереться на этику высших человеческих инстинктов души. Тремя инстинктами

были устремления человека к самосохранению, к созданию семьи и к общественной жизни. Чтобы свободно реализовывать эти три устремления, люди должны быть солидарны, справедливы и должны иметь готовность прийти на помощь нуждающимся (субсидиарность, *subsidiarius*). Эти три инстинкта или устремления рассматривались как составляющие естественного закона, вложенного в человека как существо богообразное и раскрывающиеся во время духовного развития в людях как существах, могущих стать богоподобными. Современная католическая этика отказывается от этики закона вообще. Праведность рассматривается как особый способ жизни, этос. Община как живая традиция может передавать этос новообращенному. Становление христианина — это приобретение христианского способа жизни, а не простое согласие соблюдать какие-либо законы и жить согласно с какими-либо человеческими устремлениями. Христианство — это сверхъестественный способ жизни, к которому в человеке есть предрасположенность, но жизнь в согласии с которым — плод благодати, чудо, беспричинный дар от Бога. Это — жизнь в любви, как личная, так и общественная. Соблюдение закона не является достаточным мотивом как для индивидов, так и для общества, чтобы жить праведно. Только любовь становится достаточным мотивом для того, чтобы стремиться к праведной жизни. Итак, от людей — любовь, от Бога — благодать. И общественная жизнь в миру уже возможна только в меру причастности ее к сверхъестественной жизни в церковных общинах. Социальность естественная или мирская поддерживается энергией социальности церковной — и без этого вдохновения не может существовать полноценно.

Таким образом, современное католичество радикально приблизилось как к православной, так и к протестантской духовности — как в учении о церкви, так и во всех аспектах богословия и практики, связанных с экклесиологией. И такое приближение было плодом не специальных усилий, а результатом внутренней

эволюции самого католичества, связанным с процессами внутреннего оздоровления и обновления. Аналогичные процессы происходили и в православии, но они имели собственную специфику, и о них нужно также говорить подробно, пытаясь заодно и предугадать перспективы возможного дальнейшего развития православного христианства.

Изменение православной идентичности

Исторические изменения в православии протекают иначе, чем в католицизме, но и тут можно увидеть, что постепенное оздоровление делает церковь более христианской, и уже видна та ближайшая перспектива, в которой православие может встретиться с католицизмом. С одной стороны, объединение основного тела исторических церквей по подобию сопричастия ранней церкви похоже на горизонт: чем ближе мы к нему, тем далее он от нас. Но, с другой стороны, реальный прогресс все же наличен, и за повседневными кризисами можно увидеть и позитивные исторические возможности, которые реальны как никогда ранее.

Призыв к объединению впервые прозвучал от православной церкви в 1902 году в послании Вселенского патриарха Иоакима II. Следует отметить, что и ранее как католики, так и православные

призывали к объединению, но по униональной модели. Каждый видел в собственной конфессии полноту воплощения Тела Христового и призывал присоединиться к себе в обмен на сохранение местных обрядов и обычаев. В 1902 году, еще за 60 лет до Второго Ватиканского собора, православная церковь первой предложила начать диалог об объединении без всяких предварительных моде-

лей и требований заранее их признать. В 1902 году католическая церковь встретила православные предложения без энтузиазма. Но при папах, проводивших Второй Ватиканский собор, — Иоанне XXIII и Павле VI — об этих предложениях вспомнили собственно

католики. В результате произошел обмен посланиями и визитами с патриархом Константинопольским Афинагором. Этот процесс вошел в историю под названием «диалог любви», поскольку целью его ставилось узнавание христианской идентичности друг друга и нахождение общей идентичности, могущей реализовываться через совместное причащение, продолжающее диалог. Сопричастие в общей литургии тогда не было достигнуто, но взаимные анафемы 1054 года, ставшие символом разделения церкви на католичество и православие, были объявлены недействительными. Отмена анафем показала, что и без достижения единства в догматических взглядах можно совершать существенные шаги к сближению. И даже богословский диалог может начинаться не с достижения конфессионального и административного единства, а с обретения наново библейского языка для выражения общих христианских идей, принципов, оценок.

Снятие анафем позволило совместно молиться и слушать Писание. Уступка католиков относительно необязательности их вставки в Символ веры (об исхождении Святого Духа и от Сына) позволила вместе петь Символ веры. Достижение совместной евхаристии и единства церкви стало реальной перспективой, на пути к которой главной проблемой оказалась разобщенность самих православных церквей. Ведь чтобы возобновить даже относительное единство с католиками, самим православным необходимо внутри собственной конфессии быть гораздо более едиными и в диалоге с христианским Западом говорить единым голосом. В связи с этими экуменическими потребностями еще более актуальным заданием в 1960-е годы стало углубление общеправославного единства через проведение совместных соборов. Непосредственная подготовка к «Великому и святому всеправославному собору» началась в 1960-е годы, и будущий собор мог стать аналогом Второго Ватиканского собора. Аналогом не в том смысле, что на нем были приняты такие постановления; а в том смысле, что Православная Церковь углубила бы пони-

мание собственной христианской и православной идентичности, отделила бы изменчивое и второстепенное от важнейшего и неизменного, выработала бы общую позицию в диалоге как с внешним миром, так и с христианскими конфессиями. Очень быстро на консультациях пятнадцати поместных православных церквей выяснилось, что существует ряд принципиальных разногласий по не первостепенным вопросам, которые, однако, касаются самой сердцевины православной экумениологии — учения об общении и первенстве в общении.

Патриарх Константинопольский претендовал на право управлять православной диаспорой во всем мире за пределами обычных поместных национальных церквей, на право давать (или не давать) автокефалию (полное административное самоуправление) новообразуемым национальным православным церквям.

Также существовали разногласия в том, как поместным церквям следует располагаться после первенствующей Константинопольской церкви. В 1960-е годы расхождения, связанные с этими вопросами, разделили православие по линии «греческие» церкви с одной стороны, славянские церкви — с другой.

Славянские церкви, среди которых лидером была Московская патриархия, выступали за то, чтобы диаспоры всегда принадлежали национальным церквям, автокефалию новым церквям предоставляла та церковь, от которой новая церковь отделяется. Константинопольская патриархия ссылалась на то, что первой по чести, то есть ей, принадлежат особые права. Во-первых, одним из древних канонов ей усваивалась власть над миссиями в варварских странах, но сложно толковать это как предписание иметь власть во всей современной диаспоре. Во-вторых, Константинопольскому патриарху принадлежит власть церковного апелляционного судьи во всех спорах (а, значит, и в спорах об автокефалии) в перерывах между Вселенскими соборами (которых не было более тысячи лет).

Разумный компромисс в этих внутриправославных дискуссиях наметился только с избранием в феврале 2009 года патриархом Московским Кирилла. В результате договоренностей, воплощенных в решениях межправославной богословской комиссии, были сформулированы проекты решения по вопросам диаспоры и автокефалии, которые должен утвердить всеправославный собор. Диаспора будет управляться конференциями православных епископов в каждой из таких стран; во главе конференции будет всегда епископ из Константинопольского патриархата; но все

решения эти конференции будут принимать консенсуально. Автокефалию будет предоставлять патриарх Константинопольский; но остальные главы поместных православных церквей должны предварительно дать свое согласие. Таким образом, Константинопольский патриархат сохранил свои права первой инстанции в православной церкви, но остальные поместные церкви обрели право «вето» как в вопросах управления диаспорой, так и в вопросе о предоставлении автокефалии. В марте 2014 года было достигнуто согласие всех поместных православных церквей о том, что всеправославный собор соберется осенью 2016 года.

Также следует отметить, что единство православной церкви видимо реализуется не только через общее совершение литургии, но и через постоянные *совещания глав поместных церквей*, которые в конце XX и начале XXI века стали регулярными. Нужно сказать, что совещание глав поместных церквей в последние десятилетия сыграло большую роль в урегулировании кризисов в ряде национальных церквей, доказало жизненную силу соборного начала в православии.

Наибольшее значение во всех этих изменениях имеет тот факт, что постепенно общепризнанной становится либеральная и открытая к экуменическому диалогу позиция Константинопольского патриархата. За более осторожную и консервативную позицию чаще всего ратует только Московский патриархат. Уступки, на которые идет последний, объективно открывают

перспективу для глобальных изменений как в православии, так и в отношении православных с католиками.

Но еще большее значение имеют изменения православной идентичности, которые произошли в XX веке и продолжают происходить в начале XXI столетия. Общая суть изменений — в борьбе между двумя типами религиозности: открытой и закрытой.

В XX век православие вступило с двумя существенными искажениями церковной идентичности: греческие и славянские церкви были заражены духом национализма, в Константинопольском и Московском патриархатах на национализм накладывалась еще и имперская идеология. Национализм играл большую роль во время освободительной борьбы греков и славянских народов против Турецкой империи в XIX столетии, а церковь всячески поддерживала освободительное движение. Имперское сознание греков поддерживалось

их «великой идеей» восстановления Византии — эта идея перестала быть популярной только после трагического поражения от турок в 1922 году, когда миллионы греков были вынуждены бежать из Малой Азии, в которой жили три тысячелетия, собственно в Грецию. Россия создавала свою имперскую идею от правления великого князя Василия III до царствования Петра I. В царствование

Николая I созданы основные концепты имперского сознания, популярные до сих пор. Во-первых, славянофильская идея сочетания царской власти с элементами народного и элитарного правления (консервативная утопия). Во-вторых, историософская идея «естественности» предельно широких границ России, согласно с которой все новые территории, выходы к морям и тому подобные экспансионистские приобретения были необходимы для выживания России (либеральная утопия). В-третьих, сформировалась официальная имперская идея, согласно которой для существования России

необходимо сочетание самодержавия как формы правления, православия как религии, «народности» как изоляционизма от вредных влияний Запада ради чистоты «русскости».

Официальная имперская идея потерпела сокрушительное поражение во время Крымской войны 1853-1856 годов, поскольку Россия проиграла Западу из-за технической отсталости своих вооруженных сил. Со времени правления Александра II (1855-1881) имперской идеологией стала модернизация России как попытка и императоров, и советских правителей догнать и перегнать Запад без превращения имперских или советских поданных в свободных индивидов. Поражение попыток модернизации привело сегодня Россию вновь к идеям времен Николая I (1825-1855), и не случай-

но, что в своей программной речи от 3 ноября 2009 года патриарх Кирилл заявил о существовании и сегодня российской империи в форме *русского мира* как особой цивилизации. Эта виртуальная империя, разорванная государственными границами после развала СССР, является основной территорией Московского патриархата. Пытаясь сохранить свою власть на этой территории, патриарх Кирилл заявил, что и сегодня не только Россия, но и Украина, Беларусь, Молдова полностью, а остальные бывшие советские республики частично являются территорией, на которой духовной основой жизни народов являются русский тип православия, русский язык и культура, российские традиции государственности и общественной жизни.

Ограниченность и ущербность искажений православия ради имперских и национальных целей была осознана в России и стала причиной появления русской религиозной философии. Основатель этого течения православной мысли Владимир Соловьев питал определенные утопические надежды. Российский император виделся ему светским главой христианского мира, а папа римский — духовным. Про то, что католичество и православие изменятся достаточно, чтобы сближение сделало реальным духовное единство, в ту пору говорить не приходилось, и видение

Соловьева было скорее пророческим, чем аналитическим. Кроме того, и сама императорская власть в России была недостаточно универсальной, чтобы претендовать на всемирное значение, поскольку не принимала до конца правового идеала. Последователи Соловьева противопоставляли

Россию Западу как особую православную цивилизацию, как возможную новую Америку. Фактически, они видели, что после реформ Александра II Россия упускает шанс на цивилизационную модернизацию. Слишком быстрое развитие капитализма, без духовного пробуждения, с одной стороны. Слишком много пережитков старой феодальной и рабовладельческой (назовем вещи

своими именами) России, с другой стороны. Поиск новой социальности сопровождался мечтой о новом человеке. Не найдя выхода в «православной модернизации», соответствующие устремления нашли свое искаженное проявление в революции. И мыслители русской религиозной философии в несостоявшейся духовной реформации видели главную причину трагических событий, приведших к торжеству большевизма.

Крах надежд на православную модернизацию России и любой другой православной страны произошел в окопах Первой мировой войны, еще до большевистской революции. Бессилие традиционного христианства во всех его формах породило неоортодоксию в протестантизме (Карл Барт), в католичестве (новая теология А. де Любака и др.) и в православии — в форме неопатристики, основанной отцом Георгием Флоровским. Возврат к Евангелию, к теологии ранней церкви — общее устремление неоортодоксии, созвучное реформаторскому проекту. Борьба за чистоту теологии от влияния внешних либеральных или фундаменталистских, философских или утопических идей — также общее стремление неоортодоксии, в том числе и православной.

Главным событием, определяющим православную идентичность, становится богословский поворот к евхаристиче-

ской еkkлесиологии. Вместо опоры на государство, на народ, на проекты — впервые теологически обосновывается опора только на церковь. Не является случайным, что этот поворот совершается в эмиграции, возможно, потому, что исповедничество в СССР не имело богословского измерения. Однако чувство подлинного открытия было и тут соизмеримым с лютеровским «только Писание» и «только вера». Открытие, что верующие спасаются лишь церковью как евхаристической общиной, и означало православный поворот к новой идентичности. «Только Церковь» и «только благодать» — как явление Царства и Славы Божией, единственно имеющей смысл.

Впервые церковь оказалась в центре православной идентичности — как во времена раннего христианства. Причем церковь как конкретная община, прославляющая Бога. Основатель православной евхаристической еkkлесиологии отец Николай Афанасьев считал полноценным явлением тут и теперь Тела Христова любую общину, во главе со священником совершающую евхаристию. Его ученик митрополит Иоанн Зизиулас считает полноценной явленностью Церкви как нового способа бытия евхаристическую общину, возглавляемую епископом. Отец Александр Шмеман в общине, совершающей евхаристию, видит явленность эсхатологического Царства Божия, преодолевающего разрыв между временем и вечностью, людьми и Богом, историей и смыслом истории. Евхаристические хлеб и вино становятся символом победы христианского реализма над всякой идеологией и фантазией: Логос становится плотью не только в яслях Вифлеема, но и здесь и теперь — во время службы прославления. Мы сами становимся Его плотью — здесь и теперь. Все это снисхождение Бога в собираемую тут общину должно быть прожито как обретение избытка Жизни в сердцевине нашей обыкновенной личной и общинной жизни. Митрополит Антоний Сурожский завершает общую картину евхаристической еkkлесиологии, подчеркивая, что церковь есть место встречи Бога и человека —

лицом к лицу, сердцем к сердцу. Без живой встречи — все бессмысленно и эфемерно, с ней — все реально.

Бог Писания есть Бог своего народа. Бог, который вновь и вновь выходит навстречу своему народу. Бог стучит в двери своей церкви — а не только личного сердца человека как члена (действительного или потенциального) этой церкви. Бог желает быть полнотой нашей жизни, быть «всем во всем». Естественно, что такое видение церкви требовало возрождения древней практики всеобщего постоянного причащения. Ритуальный подход нового времени, требовавший от человека особого очищения через подготовку постом и молитвой к причастию, становится

невозможным. Человек слишком бессилен в этом мире войн и кризисов, депрессий и «пост»историчности, чтобы выживать без явной помощи благодати. Переход к практике частого причащения, реальной жизни в постоянном присутствии Бога избавляет православие от всего наносного, возвращает его к чистоте церковности. Избавляет в том числе от церковного быта, от рабства формализму книжников и саддукеев, от излишнего увлечения священством и его авторитетом. Евхаристическая экклесиология наново открывает православную каноническую норму, согласно которой евхаристия не служится, если нет народа. Священник — служитель для царского священства мирян, составляющих тело общины. Епископ, священник, учитель, диакон — все это только служения, возникающие из потребностей общины. Видение предыдущих эпох — что Церковь есть в первую очередь иерархия — исчезает. Иерархия есть церковь, и апостольская преемственность — нужна. Но все это — лишь служебная функция для того, чтобы Тело Христово могло быть явлено в живой общине мирян, в живом собрании народа Божьего.

Распространение новой идентичности из эмиграции на национальные церкви началось еще до падения коммунизма, но стало полноценной реальностью только в последние двадцать пять лет. И в национальных церквях, и в диаспоре «шме-

Распространение новой идентичности из эмиграции на национальные церкви началось еще до падения коммунизма, но стало полноценной реальностью только в последние двадцать пять лет. И в национальных церквях, и в диаспоре «шме-

манизм» распространяется стремительно, и удержать его не могут никакие другие идеологии. Один из консерваторов сравнивает торжество евхаристической экклесиологии с распространением рака и необратимым перерождением клеток организма, другой — с лесным пожаром. В действительности же новая идентичность побеждает незаметно — как дуновение ветра, меняющее облик и суть православия, возвращающее эту древнюю церковь к христианству не через возврат к Писанию или действию Духа Святого, а через обретение церковью своей собственной церковности. Там, где обновление удастся остановить, православие превращается в секту по своему типу идентичности — и так мы можем увидеть секты «почаевские», «зарубежнические», «чаплинистские», а также главную конкурирующую идентичность: беспринципный конформизм.

Причина распространения евхаристической экклесиологии не только в том, что для православия это есть «здоровое учение»: то, что сакраментальная экклесиология вполне выводима из Писаний Нового Завета наряду с другими моделями, признавал Дж. Данн («Единство и многообразие в Новом Завете»), и

в евангельских корнях этого учения сомневаться не приходится. Но кроме истинности (пускай и не абсолютной), в деле распространения евхаристической экклесиологии играет роль важнейший фактор так называемого столетнего утверждения обычая. В православии то, что является нормативным, обычно объявляется таковым, если сто лет подряд является всеобщим обычаем и уже всем представляется, что все так верили и прославляли везде и всегда. Еще двадцать лет назад можно было сомневаться, что практика частого причастия победит, но она де-факто стала нормативной, и вернуться назад, к редкому

и прославляли везде и всегда. Еще двадцать лет назад можно было сомневаться, что практика частого причастия победит, но она де-факто стала нормативной, и вернуться назад, к редкому

причастию — уже невозможно. То, что меньше, чем сто лет назад начиналось с богословского движения, стало всеобщим учением и практикой, самым способом жизни и самоосуществления православия. Современное православие во многом определяется богословием; а православное богословие является все больше евхаристической экклесиологией. Все остальные попытки богословствовать — от неопаламизма до чаплинизма постепенно увядают и маргинализируются во всех поместных церквях.

Принятие евхаристической экклесиологии как нормативного учения и практики стало внутренней Пятидесятницей для православия. И сегодня православная церковь жива как связь живых общин в национальных поместных объединениях и в диаспоре. Православие вновь похоже на раннюю церковь до-Константиновской эпохи. Все попытки зацепиться и удержать строй иерархического диктата и связи с национальными государствами терпят системный кризис. Будучи внизу — на уровне общины — живой и действенной — православная церковь задыхается на уровне национальном и поместном: не хватает вселенского измерения, не хватает вселенских соборов и соборности, не хватает универсализма (который, безусловно, есть в католичестве).

Католические богословы долго обвиняли православных в том, что те суть протестанты, но с евхаристией. Сегодня даже сложно сказать, что такая характеристика критична. Православие — насколько оно живо — является осуществлением лучших устремлений протестантизма как практики и теории.

То, что католичество станет открытым к православию и во многом подобным протестантизму — этого никто не ожидал, но это произошло. И дальнейшее наращивание открытости католичества к православию уже вызывает ответную реакцию прямо в наши дни. Позитивную у всех православных церквей, историчную — у Московского патриархата. Последний выискивает любые искусственно придуманные поводы, чтобы не совершить шага навстречу честному диалогу с Римом — ибо окажется, что

пазлы совпадают, и традиции возвращаются к единству, бывшему в ранней церкви. Поколение назад против сближения говорила якобы подчиненность Ватикана Вашингтону, сегодня — якобы попустительство по отношению к униатам, якобы бесчинствующим в Украине.

Православие в России сильно рискует. Отказавшись от универсализма, утратив экуменическую перспективу, пропустив собственное церковное обновление, Московский патриархат рискует повторить путь старообрядничества, влиятельного вначале и маргинализованного сегодня. Можно прямо утверждать, что судьба православия и католичества будет решена в ближайшие десятилетия — с РПЦ или без нее, но традиционная церковь вернется к единству первого тысячелетия, или же как историческая сила исчезнет.

Вместо эпилога

И католичество, и православие подошли к собственной эсхатологической горе Фавор. Как известно, со Христом на гору взошли не только Петр, олицетворяющий католицизм, и не только Иоанн, задавший парадигму всей православной духовности. Также на гору взошел апостол Иаков, олицетворяющий иудеохристианство, предшественника протестантизма в его лучших проявлениях. Готов ли сегодня протестантский мир к тому, что скорлупа ветхих одежд может отпасть и в сиянии Славы Христовой восстанет Церковь первого тысячелетия? Церковь, в которой папы не будут претендовать на абсолютную власть? Церковь, в которой православие будет более протестантским, чем сам протестантизм? Церковь, которая будет единством разнообразия и будет открыта к протестантизму в его лучших проявлениях (община Тезе)?

Мне лично кажется, что такую живую человеческую церковь ищет то движение в протестантизме, которое связано с «возникающей церковью». Ищет скорее бессознательно, со многими

ошибками и срывами. Но ищет. Ищущий протестантизм — уже само по себе явление приятное. Признание того, что накануне юбилея Реформации у нас нет ответов на все вопросы и нет реальности, которую мы бы могли показать как исполнение всех чаяний, — это уже очень хорошо. Знак нашего времени — *самоумаление (кенозис)* всех трех больших традиций. Во многом добровольное самоумаление папства и католицизма, во многом исторически вынужденное самоумаление православия и трагические унижения и искренние поиски протестантизма — все это знаки надежды.

Каким будет христианство третьего тысячелетия — во многом зависит и от нас. Готовы ли мы вслед за Павлом стать орудием новой деятельности Бога и выйти в новый языческий (признаемся в этом!) и антихристианский мир? Готовы ли мы жить снова во времена «заката» так же, как жили первые христиане? Готовы ли мы быть Церковью вообще? Готовы ли мы быть единством разнообразия?

От ответов на эти вопросы и зависит будущее христианства.

Но как первые христиане, мы должны признаться — мы во многом и не знаем, готовы ли мы. И только сама жизнь в верности Богу и покажет, кем мы сможем стать.

«Открытое христианство» не ново, оно изначально, евангельское, Христово. Потому что в своей пустоте содержит главное – Его. Пространство «открытого христианства» пусто не потому, что там нет идей, вещей, людей, там много всего. Оно пусто потому, что пусто для Христа, Христа ради. «Открытое христианство» почитает пустым все накопленное Церковью, все наследство веков, потому что в нашей пустоте Христос будет виднее. Но с явлением Его эта пустота оживает, и все христианское и даже нехристианское озаряется Его светом и благословляется Им. Тогда все традиции, книги, догматы, чудеса, святые подвиги, добрые дела обретают смысл. Тогда христианские усилия в благотворительности, просвещении, общественной морали опираются не на слабый энтузиазм и подвижничество, а на ставший вдруг очевидным факт: «Христос посреди нас!»...

«Открытое христианство» открывает христианство через Христа, богатство традиции через простоту Евангелия. Но самое главное – не христианство, а Христос. Именно поэтому «открытое христианство» должно быть готово к радикальным шагам: отказаться от того, что препятствует открытию в нем Христа, и присоединиться к Христу во всем том, что Он делает в современном мире...»

Михаил Черенков

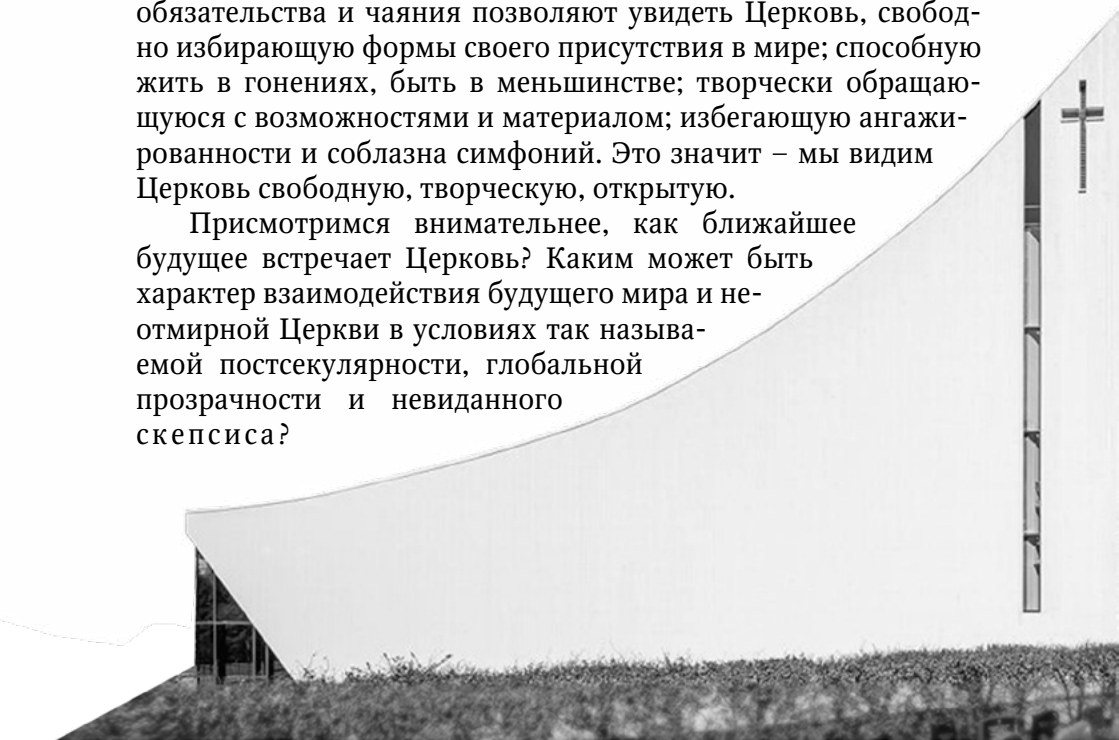
Церковь завтрашнего дня

Возвращение к «открытому христианству»

Михаил Черенков

Церковь завтрашнего дня – образ, который мы *пред-видим*. А в зависимости от предвиденного, нам становится видна и Церковь сегодняшняя. В самом последнем пункте [всемирного] будущего мы предвидим Церковь в ее идеале – состоявшуюся, сбывшуюся, встретившую Христа, обретшую себя в Нем. Эти конечные черты мы различаем весьма туманно, но знаем, что будет победа и брачный пир, что врата адовы не одолеют нас. Яснее мы различаем предшествующее этому движению к идеалу, потому всякий момент будущего приближает нас к полноте понимания и *со-бытия* в Церкви. Наши сегодняшние обязательства и чаяния позволяют увидеть Церковь, свободно избирающую формы своего присутствия в мире; способную жить в гонениях, быть в меньшинстве; творчески обращающуюся с возможностями и материалом; избегающую ангажированности и соблазна симфоний. Это значит – мы видим Церковь свободную, творческую, открытую.

Присмотримся внимательнее, как ближайшее будущее встречает Церковь? Каким может быть характер взаимодействия будущего мира и неотмирной Церкви в условиях так называемой постсекулярности, глобальной прозрачности и невиданного скепсиса?

Как влияет Церковь на переопределение будущего, его реформирование? Поскольку будущее является открытым, и последнее будущее принадлежит Главе Церкви, и именно Церкви доверяет Он переопределять ход событий, выбирать ветвь развития.

*****

Тенденция нашего времени такова, что уже ближайшим будущим будет востребован радикально открытый образ христианства и Церкви. Этот тезис звучит повсеместно и выражает требование мира быть настоящим, честным, доступным, понятным, а также и одновременно – удобным, выгодным, эффективным, комфортным. Очевидно, что в этом требовании можно найти логику рынка, диктующую, что его религиозный сектор должен действовать по общим правилам и ориентироваться на потребителя, а не на корпоративные интересы.

В пожелании открытости можно видеть и большее – долгожданное и востребованное выяснение отношений между Церковью и обществом, ультиматум честности, усталость от церковной бюрократии. Спросом пользуется не «опиум для народа», а глоток чистой воды, настоящее «простое христианство».

Итак, открытости требует рынок, он же требует новый уровень доверительных отношений с обществом. На взгляд автора, аутентичное христианство может без страха и угождения удовлетворять требованиям рынка и общественному спросу на достойные отношения. Подлинное христианство не боится испытаний рынком, так как обладает эксклюзивным предложением, уникальными качествами, содержит в себе больше, чем вся сумма конкурентных рыночных предложений. К сожалению, Церковь, представляющая христианство как основной дистрибьютор, свою эксклюзивность осознает лишь отчасти, и в рассуждениях о ней постоянно переходит в режим чужих дискурсов – власти, исторического права, политического влияния, собственности на вещи и души. Между тем Церкви стоит прислушаться к требованию рынка и

сформулировать достойный ответ, открыв, какова настоящая цена предложенного и в чем его действительно уникальные характеристики.

Еще более важным, критически важным, представляется запрос общества на прозрачные, откровенные, честные отношения с Церковью. Необходима сверка и согласование спроса и предложения, взаимных ожиданий и ответственностей. Слишком часто, говоря о спасении души и вечности, Церковь занималась политикой и бизнесом или, предлагая свое смиренное служение, вскоре начинала властвовать над людьми. Случалось, что интересы собственного выживания ставились Церковью выше истины и помощи нуждающимся.

Время требует радикальной открытости Церкви перед вездесущим рынком и как никогда требовательным обществом. Это требовательное настроение выражается в активной форме – в ожесточенной критике традиционных форм Церкви, и в пассивной форме – в массовом расцерковлении, когда люди «голосят ногами», уходя из Церкви.

*****

Реакцией Церкви на внешнюю критику и внутреннюю пустоту может быть либо обновление, экспериментирование с новыми формами «открытого христианства», либо углубленный поиск ответов в истории.

Первый подход представлен движением «возникающей Церкви» (emerging Church)¹, второй – различными реставрационными движениями в духе «Назад к отцам!». Есть и третья позиция, которая избегает новизны и глубины и предпочитает держаться на безопасной поверхности недавней истории, т.е. сохраняет status quo, пытается остаться на

¹ Идеи «возникающей Церкви» хорошо проанализированы в работах Романа Соловья и его монографии о христианстве эпохи постмодерна, см. Соловй Р. *Вникающая Церква*. – Черкаси: Колоквіум, 2013.

плаву без дальнейших планов. К сожалению, эта безыдейная позиция стала позицией большинства.

Возможен четвертый подход, который, не отказываясь от сложившихся церковных форм, предложил бы способы их переосмысления, нового наполнения, оживления. Такой подход отчасти близок первому, экспериментаторскому подходу, но сосредотачивается не на создании нового, а на обновлении старого посредством привнесения нового. Сохранение и синтез всегда предпочтительнее уничтожения и простой замены. «Поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13:52).

Подобный подход предлагает экс-лидер движения «Слово Жизни» Ульф Экман. В своей книге «Духовные корни» шведский

пастор призывает преодолеть «детские болезни» харизматического движения и обратиться к историческим традициям Церкви. Его понимание сущности и миссии Церкви, литургики и единства продиктовано в большей степени влиянием католической традиции, чем собственно Реформацией. В значительной степени его последний труд посвящен разоблачению стереотипов о «христианском учении до Реформации»² и обогащению

современного протестантизма дореформаторской традицией: «От прошлого можно бежать, а можно, если проявить достаточную смелость, извлечь из него ценные уроки – уроки, которые откроют для нас «старые колодцы» и «заросшие тропы». Тропы могут вести как назад, так и вперед. Как написано в книги пророка Исаии (58:12): «И застроятся потомками твоими пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения». Здесь Исаия призывает нас думать как о будущем (строить будут потомки), так и о прошлом (развалины восстановятся)»³.

² Экман У. Духовные корни. – М.: Золотые страницы, 2012. – С. 18.

³ Там же. – С. 7.

Книга Экмана выразила то, что переживают и думают, но боятся сказать вслух многие лидеры протестантских движений. Отношение к истории Церкви должно быть критичным, но при этом благодарным за уже данное, уже открытое. Должно быть восстановлено не только единство ныне существующих Церквей, но и единство в истории – преемственность церковной традиции. «Открытость» Церкви предполагает открытость и будущему, и прошлому.

*****

Итак, обновление церковных форм становится возможным через открытость к прошлому, т.е. углубление истории, возвращение забытых смыслов, их актуализацию. Очевидно, что этого недостаточно, потому что сегодня появляются вопросы, о которых еще вчера не думали, и прошлое не содержит всех ответов, поскольку в нем нет всех вопросов. И дело не только в новых вопросах, но и в новом опыте, новой структуре общества, новых форматах жизни.

Не стоит недооценивать влияние общественной эволюции на отношение людей к Церкви. Индивидуализация человека не должна игнорироваться или отвергаться как грех против общины. Если современный человек требует приватности, то в этом требовании нужно увидеть и прогресс, меру личной зрелости, самостоятельности. Лишь в свободе быть собой человек может осознанно выбрать принадлежность к общине.

Церковь может предложить формы совместной жизни, не подавляя при этом индивидуальности, но дополняя и развивая ее. Об этом хорошо говорит энциклика «Свет веры»: «Бытие верующего становится бытием церковным, экклезиальным. Образ тела не желает свести верующего к роли безымянной части некоего целого, детали какого-то большого механизма, но скорее подчеркивает жизненное единство Христа с верующими и всех верующих между собой (Рим 12,4-5). Христиане суть «одно» (Ср. Gal 3,28), без потери своей индивидуальности и в служении

другим каждый достигает полноты собственного бытия. Вера имеет форму необходимо церковную, исповедуется внутри тела Христова как конкретной общины верующих»⁴.

При этом отмечается неединственность Церкви как места и сообщества веры: «вера является благом для всех, это общее благо, ее свет сияет не только внутри Церкви и полезен для созидания грядущего вечного града»⁵.

Если свет веры сияет не только внутри Церкви, то требования к ней возрастают, ее роль оспаривают, с ней конкурируют. Согласно новейшим исследованиям молодежной среды⁶, около 30% из так называемых millennials перестают ходить в Церковь,

потому что встречают Бога и опыт духовной жизни за пределами Церкви. 35% не посещают Церковь, потому что она не кажется им релевантной, и еще 17% расцерковленных молодых людей полагают, что они могут сами научиться тому, чему учат в Церкви. Эти данные Barna Group свидетельствуют, что Церковь перестает быть эксклюзивным местом встречи человека и Бога и должна выбирать: упорно пытаться сохранить

себя как особое место или дерзнуть проявить себя во всех других местах, распознавая их как сферы действия Бога и выражения Царства Божьего.

Именно об этом говорил Дитрих Бонхеффер, призывая отвергнуть «пространственное мышление»: «Если мы говорим о пространстве церкви, мы должны быть уверены, что это пространство в каждое мгновение уже пронзено, снято, преодолено благодаря свидетельству церкви об Иисусе Христе. При этом все ложное пространственное мышление исключается как пагубное для понимания церкви»⁷. Почему? Потому что «Мир не поделен на части между Христом и дьяволом, это целостный мир Христов,

⁴ Энциклика «Свет веры» (Lumen Fidei). Параграф 22.

⁵ Там же.

⁶ <https://www.barna.org/barna-update/millennials/635-5-reasons-millennials-stay-connected-to-church#.UtPLcmRdW4t>

⁷ Бонхеффер Д. Этика. – М.: ББИ, 2013. – С. 38.

знает об этом сам мир или нет»⁸. Беда в том, что не только мир не знает и не принимает свою целостность под господством Христа, не решается на это признание и Церковь, сохраняя за собой только часть и не отваживаясь взять ответственность за целое.

Отстаивать нормативную единственность Церкви, упорно не замечая и не принимая ее фактическую неединственность – значит решиться на оборонительную и заведомо проигрышную стратегию. Почему бы Церкви не признать все места, где люди ищут Бога или собираются ради Него, своими представительствами? Почему бы не расширить свою географию присутствия? Иногда наши парламентарии ставят палатки в местах скопления людей и называют их «пунктами приема граждан народными депутатами». Почему бы Церкви не начать ставить такие палатки или не признать своими уже поставленные кем-то палатки? Вместо того чтобы воевать за свое место на старой карте, лучше воевать за влияние везде и всюду. Как бы ни изменилась карта, «господня земля и все, что наполняет ее», а потому у Церкви нет собственной территории, есть лишь территория влияния, и она охватывает каждую пядь земли и каждый аспект жизни.

Миссия «открытой Церкви» – провозглашать Евангелие Царства, распознавать, благословлять, соучаствовать в его многообразных проявлениях, направляя поиск людей церковных и нецерковных к встрече с Христом, где бы эта встреча ни состоялась.

Церковь теряет свое особое место, чтобы присутствовать везде. В каких новых формах выразится это вседеприсутствие? Какой внутрицерковной «перестройки» это потребует? Подобные вопросы должны быть включены в богословскую повестку дня уже сейчас, чтобы «Церковь без своего места» не оказалась «Церковью, неуместной всюду».

⁸ Там же. – С. 39.

*****

В последнее время дискуссии об «открытом христианстве» вспыхнули с новой силой. Идеи православных священников – Александра Меня, Вениамина Новика, Павла Адельгейма, оказались созвучными западным трендам⁹. В русле идей «новой евангелизации» Европы о «переоткрытии» христианства говорят католики¹⁰. Не так давно YMCA, одна из старейших христианских молодежных организаций мира, имеющая представительство и в постсоветских странах, ввела в свой стратегический план развития понятие об «открытом христианстве» («inclusive Christianity»)¹¹. Для организации, которая 160 лет сочетала христианское свидетельство и социальную работу с молодежью, «от-

крытое христианство» представляется единственно возможным способом сохранить христианскую идентичность в постсекулярном и мультирелигиозном мире. Думается, концепт «открытого христианства» достоин серьезного осмысления в социально-богословском ключе, пока же можно предложить отдельные тезисы к возможному манифесту «открытого христианства».

Идеи «открытого христианства» давно известны и в той или иной форме встроены в «большую» христианскую традицию. Но XX век провел водораздел между эпохой закрытых обществ и формирующимся сообществом глобальной открытости. Разговоры об «открытом обществе» спровоцировали и дискуссию о роли в нем религии, о степени ее открытости. Сегодня Церковь активно участвует в критике мультикультурализма, либеральной демократии, рыночной экономики, расправляясь тем самым с идеями «открытости»

⁹ Например, Jim Burklo. Open Christianity: Home by Another Road (2002).

¹⁰ «Церковь становится скучной и люди уходят, потому что не ощущают, что эта «фирма» имеет что-то общее с их жизнью», – заявил кардинал Анджело Скола (<http://www.credo-ua.org/2010/04/22263>)

¹¹ YMCA Europe Strategic Plan 2011 – 2016 (<http://www.ymcaeurope.com/ymca-europe-strategic-plan-2011-2016>)

на чужой территории. Защищая с подозрительно излишней ревностью «порядок» и «стабильность», Церковь попадает в разряд врагов «открытого общества».

Конечно, «открытое общество» – идеальный, почти прозрачный тип общественного устройства, но даже при всех своих проблемах глобальное сообщество движется к *открытости*, ориентируется на ее идеалы. Возникает вопрос, а куда движется Церковь, если движется вообще?

Говоря словами Бенедикта XVI, Церковь вместе с обществом живет между двумя необходимостями – изменять мир и сохранять его порядок¹². Добавим, что Церковь живет в *ожидании* нового неба и новой земли. Апокалиптический горизонт напоминает о неизбежности перемен, крахе земного порядка и приближении нового мира.

Коль будущее является открытым, Церковь, как никакой другой общественный институт, должна понимать условность своих систем, границ, позиций. Будущее, приготовленное Богом, явит единство веры, мир и радость искупленного народа.

Соответственно, тот, кто готовился воевать, избличать, судить и казнить, будет сильно разочарован. Получит награду не тот, кто надежно закапывал свои таланты или охранял доверенное, убивая за сорванные колоски, но тот, кто приумножал, раздавал, пускал в дело, и, тем самым, конечно же, рисковал. Окажется не у дел тот, кто строил крепости и укреплял запоры, напротив, будет радоваться тот, кто гостеприимно встречал, открывал дверь странникам и пришельцам, без ропота делился своим и с благодарностью принимал поданное – кто учился жить вместе и друг для друга, открывая в ближнем Христа.

¹² Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер. Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовов времени. – М.: ББИ, 2007. – С.12

Христианство открыто не только будущему, в свете которого все будет переоценено, оно открыто Христу, который может входить и уходить, одобрять и судить, благословлять и учить. Христос – главный фактор христианской открытости, вино-

вник постоянной непредсказуемости, нестабильности, беспокойства. В христианстве все держится не на правильности системы, не на гарантиях силы и власти, а на личных отношениях, всегда рискованных, тонких, трепетных. Открываясь Божьему Слову, Красоте Бесконечного, Лицу Другого, человек легко покидает выстроенные из камней и слов стены, выходя из полумрака в полноценную жизнь.

Почему же тогда в Церкви так мало отношений и так много правил? Потому что Церковь – очаг христианства, а чтобы огонь в нем не потух, его нужно ограждать и охранять. Так возникают традиции, организации, администрации, которые закрывают, поддерживают, управляют, комментируют, оценивают, продают, обороняют. Но без связи с внешним миром, без воздуха жизни, христианство лишь тлеет.

Христианство – не вещь, ее нельзя закрыть. Христианство не состоит из чего-то, оно не плотное. У него нет своего места. Нельзя сказать, что оно здесь, или оно там. Христианство – это пустота, в которой может явиться Христос, в котором Его ждут, Ему молятся, Его благодарят. Христианство – такое пространство, где люди (не обязательно «верующие») встречаются с Христом, говорят о Нем и с Ним, живут вблизи Него, служат другим ради Него. Уже первые ученики предлагали это пространство огородить, убрав вон мешающих детей, недостойных женщин, грешных мытарей. А Он выбрал крест – повис между небом и землей, не принадлежа никому и обнимая Собой всех.

Христианство как пространство всеохватно, выходит за пределы и лишает их смысла. Это справедливо и в отношении людей (их делений), и в отношении идей (их систем). Христианство не в идеях, тем более не в буквах, оно начинается там, куда текст должен вести, куда должен отсылать – в пространстве встречи. Для обычных же людей христианство – ворох цитат, отзвуки того, что кто-то слышал от кого-то. Открытое христианство – «выход за края цитаты», как говорит христианский поэт Андрей Тавров¹³. Выход куда, к чему? Христианин скажет: к Богу. Нехристианин подумает: к жизни. «Открытое христианство» открыто и Богу, и жизни, и людям. В просторе открытости, куда попадают вышедшие за края цитаты (буквы традиции или стены храма) христиане или ищущие Христа встречаются с настоящим – не книжной жизнью, недогматичным Богом, нечужими людьми.

Если христианство осмыслит себя как открытое, оно способно удивить в этой нетипичной, странной открытости и христиан, и нехристиан.

Христиане разных церквей и традиций смогут почувствовать себя частью гораздо большего. Они могут сохранить свои стены как в лучших из современных городов, где укрепления исторической части, «старого города» сберегают именно как часть истории. Но они будут помнить, что эти стены уже не способны защищать и более не должны разделять.

За пределами нерушимых стен можно будет объединиться в деле – в социально полезном служении, в духовно-воспитательной заботе о подрастающих поколениях, в творчестве и окультивировании.

Разбирая архивы, христиане откроют не только ценность своих текстов, но и важность интертекста, который из них составляется; они научатся читать свое как часть общего и осмыслят, наконец, и свое, и общее наследие. Возможно, они оценят и богатство многоголосия, в которое сольются разрозненные пока голоса их теологий.

¹³Андрей Тавров. Иов – выход за края цитаты // Решение. – 2006. – №14.

*****

«Открытое христианство» – это христианство, которое открывает себя же, и не только для других, но и для себя. Это христианство, в котором есть, что открывать, это не школьное поучение, где «дают» готовую информацию в соответствии с учебным планом. Здесь всегда можно и даже нужно удивляться, сомневаться, спрашивать, бояться, радоваться, плакать, смеяться, молиться, петь, кричать, молчать.

Скучная предсказуемость, упрощенная понятность, сухая логичность, конфессиональная эксклюзивность христианству лишь мешают. Значительная часть «бывших» христиан на вопрос «Почему вы перестали ходить в Церковь?» отвечает: «В Церкви скучно». Церкви предстоит ответить на вопрос: предпочитает ли она стабильность и скуку или же риск и перемены. «Открытое христианство» рискованно, но в поиске Бога риск неизвестного, нехожего пути всегда оправдан, т.к. Он и позади, и впереди ищущего; Он есть и в истории Церкви, и в будущем «открытого христианства».

Если даже «открытое христианство» не изменит самих христиан и встретит их яростное сопротивление, оно найдет множество сторонников среди «почти христиан», которые живут по внешнюю

сторону крепкой церковной двери. Многие люди ищут Христа в христианстве, но не находят Его в институализированной Церкви. Они встречают Его следы в книгах, фильмах, музыке, общении с Его странными друзьями, чудесах природы, загадочных обстоятельствах жизни. «Открытое христианство» – все то, что помогает людям встретить Христа, что ведет к Нему, напоминает о Нем. Это мо-

гут быть «христианские» (не обязательно созданные христианами, но работающие с христианским духом и участием) кафе, молодежные лагеря, спортивные клубы, дискуссионные группы, реабилитационные центры, хосписы, школы, благотворительные центры, библиотеки, интернет-площадки, музыкальные вечера, общества религиозной философии и многое другое.

*****

«Открытое христианство» не ново, оно изначальное, евангельское, Христово. Потому что в своей пустоте содержит главное – Его. Пространство «открытого христианства» пусто не потому, что там нет идей, вещей, людей, там много всего. Оно пусто потому, что пусто для Христа, Христа ради. «Открытое христианство» почитает пустым все накопленное Церковью, все наследство веков, потому что в нашей пустоте Христос будет виднее. Но с явлением Его эта пустота оживает, и все христианское и даже нехристианское озаряется Его светом и благословляется Им. Тогда все традиции, книги, догматы, чудеса, святые подвиги, добрые дела обретают смысл. Тогда христианские усилия в благотворительности, просвещении, общественной морали опираются не на слабый энтузиазм и подвижничество, а на ставший вдруг очевидным факт: «Христос среди нас», среди людей в их разности, среди мира в греховности, среди жизни в естественной сложности. Даже спустя многие века после грехопадения наш мир все же «весьма хорош» (Быт. 1), а тем более хорош, когда в него возвращается Бог. Это главное открытие «открытого христианства»: Бог не только в нашей Церкви, но и в мире, жизни, людях. Этот призыв и скромный, и великий – открывать Бога внутри и снаружи Церкви, видеть Его следы в постсовременной культуре, утверждать Его Царство во всех сферах жизни.

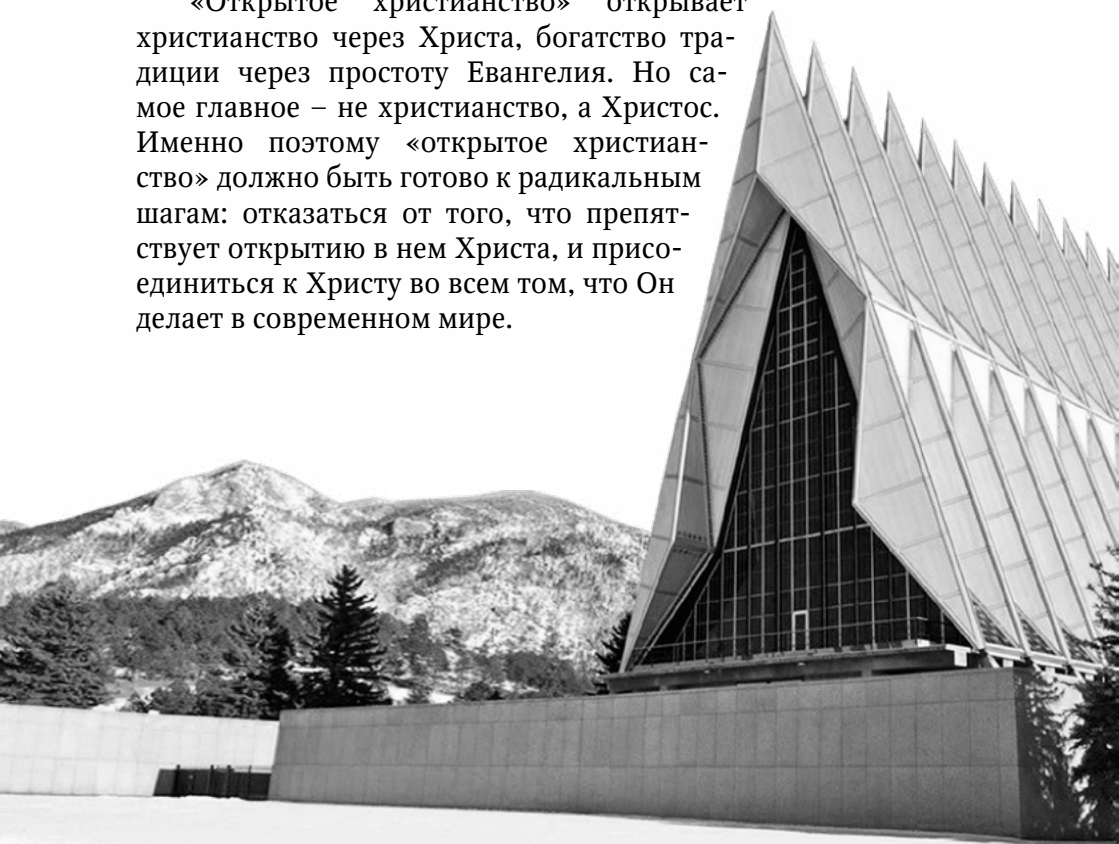
«Открытое христианство» смотрит дальше своих религиозных пределов и открывает Христа в неожиданных местах и обстоятельствах. «Дивно для меня ведение [Твое], – высоко, не могу постигнуть его! Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя. Скажу ли: «может быть, тьма скроет

меня, и свет вокруг меня [сделается] ночью»; но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет. Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей» (Пс.138:6-13).

«Открытое христианство» универсально, вселенско, всезначимо. Говорить о том, что Бог действует «так» или «иначе», что Он пребывает «здесь» или «там» – не только наивно, но и оскорбительно для Того, Кто именуется Отцом всех и Господом всего.

«Открытое христианство» – это образ вечного Христа и древнего христианства, актуальный для мультирелигиозного и мультикультурного мира, где о Боге предстоит говорить нерелигиозным языком. В такой «безрелигиозности» христианство возвращается к своей универсальности и снова соединяет в Божьей любви современных «иудеев», «эллинов» и «варваров».

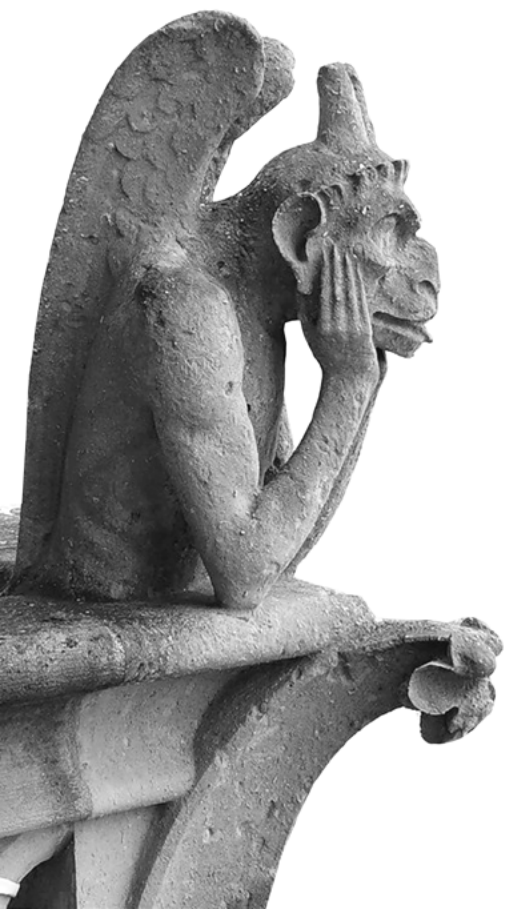
«Открытое христианство» открывает христианство через Христа, богатство традиции через простоту Евангелия. Но самое главное – не христианство, а Христос. Именно поэтому «открытое христианство» должно быть готово к радикальным шагам: отказаться от того, что препятствует открытию в нем Христа, и присоединиться к Христу во всем том, что Он делает в современном мире.

«Нет, Церковь не ради мира и его спасения. Но ради того, чтобы, расплескавшись от края до края ("идите и научите все народы"), таинственной силой собраться в Царство Сына – собраться не в Царстве уже кем-то без нас установленном, но самим собраться в Царство, соединившись непреодолимой силой единства в Сыне. Мы – камни живые этого Царства. И мы соберемса и произведем устройство вопреки миру и его интересам. Все то, что грядет, соберется под Новым Небом на Новой Земле. И потому ни у мира, ни у князя мира, ни у духа князя мира сего нет никакой силы над Церковью. И потому врата ада не одолеют ее. И потому мир ради Церкви, а не Церковь ради мира».

Сергей Градировский

Два слова о Церкви

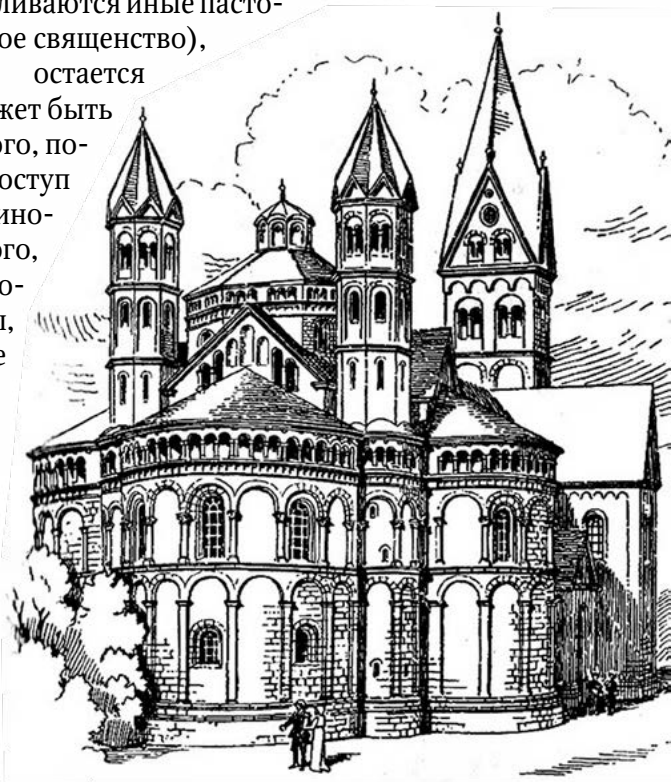
Омифатическая и апофатическая экклезиология

Сергей Градировский

Прекрасны символические ряды Писания, где встречаются россыпи образов Церкви. Остановимся на избранных иконах экклезиологического символического ряда. Скажем о подобиях.

Слово первое: о Той, что есть и пребудет

Церковь подобна стаду. У этого стада есть Пастырь. И даже когда при стаде устанавливаются иные пасторы (закрепляется сугубое священство), Подлинный Пастырь остается Один. Он Един и Он может быть лишь Один. И нет другого, потому что нет равного. Доступ к Слову и Благодати Единого Пастыря есть у каждого, кто в стаде. Каждый в состоянии напиться воды, после которой нет уже никакой жажды (см. Ин. 4:13-14). Каждый в силе предстать пред Единым в Его Слове за всех и каждого. Из полагания Единого Пастыря с определенностью выводится

требование "всеобщего священства". Оно – наша цель, наше чаяние, наша сила. Ведь мы ведаем, что грядет согласно слову: «И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня» (Евр 8:11). Это и есть всеобщее священство.

Церковь подобна собранному стаду, когда блуждающие каждый сам по себе, полагающиеся лишь на себя, держащие в себе, собираются под сенью навеса, выстроенного добрым господином земли: "Ибо вы были, как овцы блуждающие, но возвратились ныне к Пастырю и Блустителю душ ваших" (1 Петр. 2:25). Церковь подводит черту под скитаниями, под одиночеством, под угрозой жизни. Потому Церковь есть "экклесия" – собрание собранных Собирателем душ. В этой собранности коренятся сила, надежда и победа.

Церковь подобна стаду в ограде, из которой ведет единственная дверь. Эта дверь – Сам Христос. Куда ведет эта дверь? К подлинной свободе, к изначальной вольнице на бескрайних вечнозеленых лугах, на которых уже нет заботы о сем дне¹ (см. притчи о лилиях полевых Лк. 12:27 и знаменитый Пс. 22:2 – "Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим"). Но откуда подлинная свобода остается чаением, в трудные времена проще тем, кто в ограде. Церковь, не отнимая свободы, дарует безопасность.

Церковь подобна овцам среди волков. Церковь заведомо слабее мира. Члены Церкви беззубы, они лишь имеют странную силу подставить вторую щеку. Когда говорящие от Церкви обнажают десна, они уже не от Церкви, но от стаи. Но слабая Цер-

¹ И пусть никого не пугает аналогия данного образа с античными Елисейскими полями и их парижским аналогом avenue des Champs-Élysées; воображение, желающее ограничить себя образами Писания, может представить и землю обетованную, и землю Гессем, и даже сады Эдема.

ковь имеет необъяснимую силу и потому с радостью слышит призыв: "Я посылаю вас, как овца среди волков" (Мф. 10:16), и слыша – идет во все края земли. Слабое побеждает сильное. Овца наследует Царство².

Церковь подобна урожаю. Иисус многократно говорил о семени, которому суждено умереть. Он сбивал с толку учеников, говоря, что Ему лучше уйти, чтобы пришел другой, чтобы Тот Другой завершил дело собирания избранных. Таким образом, Он доносил им мысль, что смерть Пастыря – ключевое событие в деле возникновения Церкви. Конечно, Воскресение здесь архиважно, но оказывается не менее важной и сама *смерть*, без которой не было бы Жертвы, не было бы Искупления, не было бы Воскресения, не было бы прихода Утешителя, не было бы Церкви. Поэтому день рождения Церкви приходится на Пятидесятницу, когда Сын, окончательно покинув землю, послал вместо себя Духа Утешающего, Того, Кто включился в сотрудничество с учениками (Ин. 14:16; 14:26). Вот и получается, что без смерти Сына-как-семени нет Церкви-как-урожая.

Церковь подобна ниве – Божьему полю (1Кор. 3:9). Зрелая, золотистая, тяжёлая, колосющаяся нива, просящаяся в руки жнецов. Нива, получившая столько заботы, ведь сказано еще устами псалмопевца: Ты "напояешь борозды ее, уравниваешь глыбы ее, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее" (Пс. 64:11). Церковь подобна ниве – кто-то сажает, кто-то поливает, кто-то пропальвает, кто-то удобряет, но выращивает Бог (1Кор. 3:6). Все делаем одно дело, – говорит апостол. Каждый получает вознаграждение. Мы ведь сотрудники учреждения Бога (3:8-9). Нива жаждет жатву. Она как Невеста томится в ожидании своего Жениха, в руке которого серп.

Церковь подобна сельскохозяйственной артели, число которой критично мало; но возрастет согласно слову: "жатвы много, а делателей мало; ... молитесь Господина жатвы, чтобы

² Оскорбительно звучит, особенно для тех, кто находится под влиянием идей Ницше. Но именно овца наследует Царство, ибо Царство Агнца. Это, конечно же, не подвлияет другой образ Христа и Его верных – образ Льва.

выслал делателей на жатву Свою" (Мф. 9:37-38). Артель, поющая Богу *аллилуйя* и *маранафа*, соберет, что сама не сеяла. Значит, артель умножится.

Церковь подобна винограднику. Иисус неоднократно настаивал, что Он – суть истинная лоза, а мы – ветви, а Отец – виноградарь: заботливый и беспощадный виноградарь, отсекающий тех, кто бесплоден, и ухаживающий, "очищающий" ту ветвь, что плодна, чтобы еще "более принесла плода" (Ин. 15:2); потому сказано, что имеющему еще будет дано, а у не имеющего и что было будет отнято (Мф. 25:29). Но верные "очищены через слово", которое есть Иисус. Плодоношение же наступает тогда, когда

все во всем" через Него: "Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне" (Ин. 15:4). В этом парадокс святости нашей Церкви, которая всегда обращена как внутрь, так и вовне, буквально вывернута, распахнута настезь, открыта просторам мира. Потому остается действительно приглашение: "идите и вы в виноградник мой"

(Мтф. 20:4). Собирайтесь в давальню Отца. Блаженны те, из кого Виноградарь творит вино.

Церковь подобна смоковнице. Инжир – плодоносящее дерево земли обетования, на примере которого нам доносится множество смыслов, в частности, такой: надо проявлять терпение и давать другому шанс (Лк. 13:6-9) и такой: за бесплодие (особенно в символически важный момент) может последовать проклятие, и потому не стоит пренебрегать талантами, щедрой рукой розданными каждому из нас (Мф. 21:19; 25:14-30). Не только в мире, но, в первую очередь, в Церкви³ таланты верных должны быть раскрыты и приумножены, иначе с нами поступят не как с сыновьями, но рабами: "негодного раба выбросьте во тьму

³ Отсюда строгий вывод: устройство и устав поместных церквей должны быть такими, чтобы позволять раскрыться многообразным талантам членов церкви. И понятно, что привычным перечнем "служений" здесь не обойтись (а он, как правило, есть список небольшой и закрытый). Нужно практиковать более смелое раскрытие церкви миру через одарованное служение в мире истинно верных.

внешнюю: там будет плач и скрежет зубов" (там же). Церковь учит, как избежать тьмы. Церковь учит плодоносить.

Церковь подобна избранной маслине, от которой Садовник отсекает ветви и к которой прививает новые ветви диких маслин – языческих народов. Селекция давняя, начатая трудами "апостола язычников" (Рим. 11:13-24). Но и сегодня стоит помнить, что членство в собрании избранных никому не гарантировано, гордость отторгает от корня (там же), а все, что лишено корня, не имеет жизни. Такого остается лишь швырнуть в огонь поедающий. Первый, отторгнутый от Корня, – Люцифер. Первый человек, увы, пошел тем же путем. И потому над нами всеми нависает этот сценарий первоангела и первочеловека, преодолеваемый только длинной волей быть от Корня.

Церковь подобна строению (1Кор. 3:9), в котором Христос суть опорный, краеугольный камень, отвергнутый строителями: "камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла" (Мф. 21:42). Он скрепляет Собой все строение. Он Собой устанавливает некий предел, рамку, формирует угол. Он поднимает своими верными и Собой любое строение, превращая его в Дом Отца (см. Еф. 2:21). Дом Отца есть специальное помещение – такое ограниченное (очерченное) пространство, которое способно вместить Творца мира. Это невозможно, но так!

Церковь есть место, где Отец пребывает вместе с Сыном: "Мы придем к нему и обитель у него сотворим" (Ин. 14:23). Поэтому Церковь есть раскрытый миру Давир⁴. С того момента, как завеса Храма была разодрана, всякое закрытие места, где Он "сый", есть шаг назад, отступление в мир ветхозаветного прапорядка. Поэтому сокрытие алтарной части от взора верных,

---

⁴ Святая святых, sancta sanctorum, ἅγιος ἁγίων, кодеш ха-кодашим – самое сокровенное место Скинии собрания, а затем Иерусалимского храма; место, где хранился Ковчег Завета. Святая святых располагалась над Камнем Основания (Краеугольным камнем) Храмовой горы, на Камне стоял Ковчег Завета. Традиция считает, что именно над Краеугольным Камнем в конце VII века был выстроен мусульманский Купол Скалы. Также считается, что именно с Камня Основания Господь начал Сотворение мира. С этим Камнем символически связан Христос. Давир был местом, куда мог входить исключительно первосвященник раз в году в Судный день. И только там и тогда зашедший в Давир произносил сокровенное имя Бога – тетраграмматон, что было единственным моментом, когда имя Божье называлось вслух, при этом, согласно преданию, лицо первосвященника излучало сияние (явная реплика на лучащееся лицо Моисея, сошедшего с Синая).

практикуемое в ряде церквей⁵, есть форма недоверия Голгофскому повороту истории человечества, недооценка данного всем нам с избытком, подчеркнуто данного не в Славе и Силе, но в позоре и слабости на Кресте.

Церковь подобна кораблю, челну, ковчегу, строению на время Потопа, в котором можно пережить страшную бурю и дожидаться часа появления Новой земли. Но прежде чем укрыться, нужно

это инженерное сооружение, под гогот и издевательства окружающего мира, создать. И после с немногими взойти и отплыть. Этот образ Церкви воплощен в форме базилики – алтарем, режущим время в зафиксированном движении на восток, навстречу поднимающемуся Солнцу Правды.

Церковь подобна Скинии. Дому Бога. Месту Его Пребывания со своим народом. Цель нашей койнонии (тесного общежития) – стать жилищем Бога, вместить Необъятного в теснину наших отношений. Апостол настаивает на том, чтобы мы благодаря Духу стали жилищем Бога (Еф. 2:22). Да мы и сами алчем этого. Ведь когда Он среди нас, мы есть; а когда Его с нами нет, то и нас нет, ибо пусто, чудовищно пусто в нас и среди нас. Но когда мы с Именем Его, когда Он упирается в наши сердца, мы живы. Краски гуще. Радость тише. И мы отныне вечно живы, сотворив из себя Скинию Бога.

Церковь подобна кругу друзей Иисуса, где каждый (ведь заповедано всеобщее священство) обладает уникальной осведомленностью, знанием всего, будучи другом Того, у Кого все знания мира и вся власть Отца. Ведь сказано: "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Мо-

⁵ Так по сомнительным причинам в храмах на Руси произошло закрытие святая святых глухой алтарной перегородкой, а кое-где даже и стеной (такое вот конструктивное решение). Открытие царских врат стало событием; событием, осмысленным в рамках литургии, но тем не менее, всего лишь, как и в ветхозаветной истории, – событием. Такое принципиальное закрытие алтаря для тех, кто не клир, закрытие того, что стало открытым Самим Распятым, является богословским вызовом для русского православия.

его" (Ин. 15:15). Церковь потому есть собрание осведомленных, познавших и хранящих – хранящих самое ценное, после чего, по слову Учителя, можно пойти и все распродать. Потому Церковь – собрание осведомленных друзей Жениха, получивших от Него все; друзей, по совокупности знающих Путь, Истину и Жизнь – "И мир, и жизнь, и смерть, и настоящее, и будущее – все это ваше, но вы принадлежите Христу" (1Кор. 3:22-23. РБО).

Церковь подобна группе слепых, сидящих у дороги. Настолько нищей Церкви нечего терять. Потому, когда мир заставляет ее замолчать, Церковь вопиет еще громче: "Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!" (Мф. 20:30-34). Ибо знает, чего хочет и от Кого хочет: "чтобы открылись глаза наши", Господи (там же). И вопия в вере, Церковь прозревает, и неустанно следуя за Ним, – крепнет; а прозрев, окрепнув и приобретя верность, – наша еkkлeсия становится неиссякаемым источником, неослабевающей закваской мира, того самого мира, что постоянно убегает в бесконечный соблазн.

Церковь подобна небу, а ее верные – звездам. Ведь обетованно "быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире" (Флп. 2:15). Нам заповедано быть восхищенными на недостижимую высоту, быть ориентирами, маяками, светилами. По

святым Церкви, как по звездам – ориентирам надежнейшим – продолжает плавать в море житейском не одно поколение христиан. Конечно, нужда в звездах появляется, когда на небе нет Солнца. Но кто из смертных в силах непрестанно находиться на Солнце? В немоги нашей мы ищем ориентира по звездам. И рады, что Небо Церкви нашей раскинуто над нами от рождения до смерти.

Церковь подобна городу, стоящему на вершине горы. Блистающему городу, видимому со всех сторон. Церкви невозможно укрыться, переждать, остаться в стороне, она обречена быть на виду. "Вы – Свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы" (Мф. 5:14).

Значит, нам предсказано свидетельствовать, светить, раздражать. Яркий свет – раздражает, особенно тех, кто выбрал тьму. Таких немало, поэтому Церковь в мире обречена на ненависть. Быть светильником, который во тьме светит и который тьма не объяла, – в этом пророки и служение. И потому Церковь есть и будет свидетель истинный, ибо ее свидетельство

о Замысле Отца, ее сила в Имени Сына, ее несокрушимость в пророчестве за нас Духа Святого.

Церковь подобна горнилу. В котором Сам Творец создает "в единении с Собой из двух человек одного нового" (Эф. 2:15). Нам дано такое, что вводит в искушение одних и кажется безумием другим. Евхаристия койнонии – дар ценный, дар редкий, дар жертвенный. Найти другого, готового отправиться с тобой в горнило, найти в этом другом Христа, найти в Христе и себя и другого, в единении с Единственным из двух стать одним новым, подлинным – это подобно алхимической мечте. Такой, что не праздна и не алчна, но кенотична. Если выразиться наотмашь: каждый из нас имеет шанс урезать себя так, чтобы обрести Полноту и Цельность, но сделать это придется в горниле церковного пресуществления.

Церковь подобна матери. Этот образ особенно ценим традиционной Церковью. Церковь полна материнских чувств. И не только потому что Мать на своих руках держала Главу мира ("держашая Вседержителя"), и не только благодаря участию Марии в делах начальной Церкви (незаметно, но рядом, вплоть до подножия Креста), но и тому, что Сам Сын, говоря о своих обязательствах и желаниях, пользуется образом Покрова: "Не оставлю вас сиротами; приду к вам" (Ин. 14:18). Из

этого образа извлекается идея грядущего мира, исходящего из лона Церкви-Невесты, неизбежно из невесты, становящейся матерью Нового человечества.

Церковь подобна Голгофе. Протоформа Церкви была отлита на Голгофе, где при висящем на древе Сыне остались стоять лишь женщины и юноша, когда по слову поэта: *"Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел."* (Ахматова. Requiem.) Церковь сошла с Голгофы всего лишь небольшой семьей (Ин. 19:26-27), в мертвом молчании, окаменев. В сознании остался рентгеновский снимок случившегося – Сын, Бог отныне мертв. Помыслить – невозможно. Принять – невозможно. Проговорить – невозможно. Оставалось только окаменеть. Могла и хотела ли начальная Церковь устоять и просто жить?! Что оставалось от их веры и надежды? Но Он восстал и явился. И из этого голгофского семени вышла Церковь Пятидесятницы – кирикия, наполненная голосами, языками пламени и неземной радостью.

Церковь подобна последним дням. Она практикует времена, когда Дух изольется на всех жаждущих и дождавшихся; когда все от мала до велика будут пророчествовать; когда не будет лингвистических и понятийных преград; когда "солнце в луну обратится и луна станет как кровь"; когда "всякий, кто призовет Имя Господа, будет спасен" (Деян. 2:16-21). На такое даже надеется страшно и... радостно! Ведь будет страх и трепет в каждой душе! (2:43) Но смотрящий в Лицо Грядущего наследует радость!

Кто вместит, тот и блажен. Блажен Дом, который сотрясется и станет безбоязненно возвещать Слово Жизни (4:31).

<...> Писание богато и другими экклезиологическими подобиями...

Слово второе: о Той, что не есть все то, что о Ней говорят

Дабы сказать больше о Той, о Которой говорить лицепрятно, после омифатических определений, основанных на подоби-ях, произведем апофатические суждения, задача которых указать на то, чем Церковь не является.

Нет, Церковь не государственный департамент. И ее не должно возглавлять "бумажному патриарху" (по властному выражению основателя Синода Петра Алексеевича). И не приспособлена она выполнять поручения, сообразные государственным интересам. И не дана она власть имущим в качестве опоры режима. И не предложена она народу в качестве опиума. И не попущена она ради последнего дня недели, чтобы было куда

сходить всей семьей. Церковь свободна от любого – людьми и властью предписанного ей – места. Как свободен был Христос, не отвечавший на вопрошания фарисеев, уточняющих Его статус. Как безмолвен был Христос, сомкнутыми устами отвечавший на философский вопрос Пилата об алетейи (см. Ин. 18:38). Он не давал ожидаемых ответов даже перед лицом пытки и смерти. Ведь

ожидаемые ответы не позволяют Истине войти в человека. Ожидаемые ответы вредят. Получая их, человек остается прежним. А пришедший от Отца ждал от вопрошающего метанойи. Ради этого Он пришел в мир и стал доступен для неверия и вопросов. Покаянный разворот (μετάνοια) возможен, когда надменный ум спотыкается, в частности, о неожиданный ответ или раздражающее своей бессмысленностью молчание.

Церковь семиотически иная всему, что есть в мире, и, в первую очередь, мышлению государства и его аппарата. Будучи иной, наша Церковь свободна, как свободен был Христос. Мы помним Его слова, сказанные прокуратору, наместнику кесаря, представляющему высшую власть Ойкумены: "Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше" (Ин. 19:11). Потому – отдай кесарю кесарево и будь свободен с Божьим.

Нет, Церковь не богадельня. И потому не стоит ее настоятелям соглашаться с ролью, предложенной администрацией кесаря, которая уважительно отвела Церкви подобающее ей место в своих грандиозных планах безопасного и комфортного сосуществования. Не ради социальных программ жива Церковь. Искушение социальным столь же опасно, сколь и искушение властью. Образы искушения открываются нам в борениях Иисуса в пустыне, когда Сатана льстиво предлагал свои варианты страждущему Сыну Человеческому – хлеб, безопасность, абсолютную власть. Искушение только усиливается в годы служения, когда восторженная толпа и даже ученики начинают требовать Славы Грядущего. Искушение пустыни продолжается уже в наши дни, когда доносится: "Делайте за нас то, что мы уже не в состоянии делать, а вы призваны вершить – позаботьтесь о сырых и убогих"; "Кому как не церкви сосредоточиться на тех, до которых не доходят руки государства и общества"; "Пусть каждый займется своим, вот пусть церковь займется социальными программами". Таков лукавый месседж власти, обращенный к Церкви. Место выгорожено. Роли распределены. Но "Дух дышит, где хочет", потому и Церковь, движимая этим Духом, сама выбирает области своего попечения. И общество, и отношения в этом обществе, и цели этого общества, и оценка общественных инициатив, и совесть Правителя, все это – предмет вмешательства Церкви. Право Церкви возникает всегда, если только этого требует Дух, а не властная похоть епископа или дурной энтузиазм новобранца во Христе. Все наши действия, совершенные в Духе, – легитимны. Но легитимны исключительно до той черты, покуда еkkлeсия Христова остается закваской. Потому нам заповедано быть солью, а не превращаться в параллельное (пусть даже лучшее из возможных) правительство, и, тем более, никто нам не поручал становиться социальным департаментом действующего Кабинета.

Нет, Церковь не когорта многократно испытанных и ставших безупречными воинов света. И не может бравировать силою. Будучи верной, не состоит сплошь из верных. Будучи крепкой, ищет и привлекает к себе слабых. Проблема верности обострилась в Церкви после страшных гонений III века: тогда многие перед лицом пыток и угрозы смерти отпали. И перед Церковью стал вопрос: достойно их отвергнуть или вновь принять? Ответ был дан: Церковь есть сумма нуждающихся во Христе, многие

из которых вовсе не герои; не к праведным и безупречным, но к нуждающимся и падшим приходил Сын, когда "многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его" (Мф. 9:10). Да, за свои поступки ответит каждый, и непременно за те из них, что совершены в ключевые минуты испытаний. Здесь нет исключений, здесь невозможны послабления. Ответят все, даже если мало кто был готов, даже

если проявленную слабость можно и понять, и принять, даже если избранные предавали. Кто не помнит в смирении о тех, кто был с Ним рядом: "все силы тьмы сошлись на смотр, / стесняться некого – а че там; / бежал Фома, отрекся Петр, / Иуда занят пересчетом"⁶. Но не нам отдан сей суд. Нам сказано: "Мне отмщение, и Азь воздам". И посему Церковь остается открытой для падших, искривленных и нуждающихся, является милостивой к тем, кто в безумии страха отрекся от Имени Иисуса, но кто очнулся, покаялся и возопил... Потому Церковь по природе своей прощающая, милосердная, ибо помнит, какую мерою она мерит, такую и ей будет отмерено.

Нет, Церковь не часть общества. И не может быть ни частью общества, ни частью политического процесса. Хоть и алчет мир социологически охватить Церковь – описать, просчитать, определить, измерить, сделать частью чего-то, что наука посчитала системой, что сделала своим предметом. Хоть и сладко (теперь уже в самой Церкви) мыслить себя из-

⁶ Дмитрий Быков.

бранной частью мира сего, торжествующей над своими врагами, быть на земле как на Небе Ecclesiae Triumphanti. Еще слаще осознавать себя избранным меньшинством во всем заранее правым: ведь "Сам Дух Святой руководит нашими помыслами и высказываниями" – можно не редко услышать от иерархов. Все это – чрезвычайная надменность...

Нет, Церковь не такова! Она иное, но не частное. Она универсальна, хоть ее жизнь и ее учение всегда приземлены. Голова Церкви в Небесах, но ноги твердо стоят на земле. Закваска мала, но, чтобы ею оставаться, она не может быть частью того, что призвана заквасить. Потому она иное всему, и тем самым имеет силу стать всем для всех – "чтобы спасти по крайней мере некоторых" (1Кор. 9:22).

Нет, Церковь не лепрозорий. И не надо ее мыслить собранием прокаженных, прикованных к чудодейственному источнику в ожидании "возмущения вод". К слову, внутри самой Церкви было немало желающих предстать миру в качестве "лепрозория". Происходило это, как правило, от избыточного (а ведь мера прежде всего) хотения удалиться в бесконечные очищающие страдания, выразить себя в безупречной "нищете духа", чтобы окончательно и бесповоротно стать "не от мира сего". Схима – важная часть Традиции, но не должна подчинять своей логике поведение верных. Церкви не стоит руководствоваться известным средневековым правилом "отстранять и устраняться". Вспомним, как это было: как только страшная болезнь обнаруживалась, несчастного отводили в религиозный трибунал, который осуждал его на смерть. После чего приговоренного отводили в церковь, клали в гроб, служили заупокойную, относили на кладбище, опускали в могилу и сбрасывали несколько лопат земли со словами: «Ты не живой, ты мертвый для всех нас». Далее бедолагу вытаскивали из могилы и отвозили в специальное место, в лепрозорий, отвозили навсегда... Больше такой человек

никогда не мог вернуться в дом, в семью, в родной город, ибо для всех был мертв. Заживо мертв...⁷

Возможно это и неприятно осознавать, но приведенный отрывок – своеобразный пример чтимой традиционным христианством схимы. Осознание ужасной картины греха, переживание ада, требовало радикального решения. Схима в за-

мысле есть высший подвиг святости, который по силам немногим. Но что в нем не так? Смерть вне воскресенья в логике нашей веры есть действие незавершенное, а потому – несовершенное. Уйти от мира в схиму – это безусловно пощечина миру, но сокрушительный удар миру наносит монах, вернувшийся в мир⁸. Христианский призыв "умереть для мира" – это значит не сбежать от мира, а войти в самое сердце мира,

войти как нож, глаголом жгя сердца людей. Отчуждение от мира вне его оплодотворения (а оплодотворить можно лишь то, в чем ты присутствуешь) есть малодушие. Христос создавал не *кирикию* чернецов, а действующую в мире *эклесию* миссионеров – иных и инаковых, обрезанных сердцем, но иных ради Бога, Того Самого Бога, Кто стал плотью в мире *плотно-сбитого-греха*. Эклесия миссионеров рождалась не ради бегства, не ради схрона, но ради приведения всего сущего к должному, всего творения к его истоку. Для этого надо оставаться в мире и действовать. Видеть и исправлять. Потому Церковь не лепрозорий у чудодейственного источника, но действующее сыновство в бесконечной Мощи Отца, владеющего всем творением во всей Вселенной в вечности и в каждое время.

Нет, Церковь не клуб солидных дам и господ. И Пелевин это высмеял в бойкой рекламной фразе: "*Солидный Господь для солидных господ*". Но ведь правда, что у иного церковного владыки автопарк, служба безопасности или сакральные бирюльки на

⁷ Горелова Л. Е. Лепру лечили смертью (из истории борьбы с проказой) // Русский медицинский журнал. – 2001. Т. 9, #23

⁸ Таким видят протестанты Лютера. И на это указывает Бонхёффер, говоря, что уход Лютера из монастыря обратно в мир был самой грозной атакой на мир.

холеном теле указывают на жажду именно такой солидности. Эти *господа* воображают себя "авраамами", стократно благословленными "тучными стадами". Но только не по вере им все это дано, а по положению в пирамиде власти (которую они еще и умудряются обосновывать трудами Дионисия Ареопагита). Но! Сын плотника, рожденный в хлеву, клуб солидных господ не основывал и апостолам Своим основывать не заповедовал. Потому мы и напеваем простенький мотив: "*А Наш-то на ослике – цок да цок. Навстречу смерти своей...*"⁹. Туда, где нет никакой солидности. Где полное отсутствие лоска.

Нет, Церковь не собрание святых. Блаженных фантазеров, возомнивших себя и свою группу поддержки (есть немало такого типа приходо́в), уже совершенными святыми хочется остудить. Всем "озаренным" и "просветленным", начитанным и крепко подкованным, стоит стремиться не вверх, а вниз – погрузиться в жизнь и трения обычного прихода, и там самим все понять. Картина будет примерно одна и та же, что в глухой, нищей, пьющей и вопящей от безысходности провинции, что в подпольном, канонически строгом и морально безупречном братстве, что в утопающем в золоте столичном храме, находящемся на балансе богобоязненной мэрии. Везде лукавый отведенное ему время за зря не тратит. Везде полно квазисвятых, во многих местах сложно даже попасть в собрание верных (собственно – *эклесию*), но зато и там и тут полно алчущих и жаждущих. Везде наряду с Духом дышит, пульсирует и борется за жизнь плоть и кровь. Такая Церковь обескураживает всякого искреннего новоиспеченного христианина. – Где обещанная Святая Церковь?! – Извините, ради Бога, но это и есть *Церковь*¹⁰. Потому и мы, вслед за апостолом, признаемся и не стесняемся, что и сами "в немощи и в страхе и в великом трепете" (1Кор. 2:3).

Нет, Церковь не покидает мир, стяхивая прах со своих ног. И не уходит вдаль подальше от греха. И не сторонится мира и его тягот. Терпимость и милосердие Иисуса проявились не в уходе

---

⁹ Тимур Кибиров.

¹⁰ Хорошо про это сказано Ратцингером: «Церковь живет лишь в нас самих, живет борьбой несвятых за святость, разумеется, коль скоро эта борьба сама живет даром Божиим, без которого она ничем быть не может.» (Ратцингер, Йозеф. «Введение в христианство.» iBooks.)

из собрания нечестивых, а в сближении с грешниками, которых Он Сам сердечно привлекал к Себе. Это было сближение радикальное – вплоть до того, что Он Сам сделался «грехом» и понес проклятие и казнь от закона (Ср.: 2 Кор 5:21; Гал 3:13). "Принимая грех на Себя, делая его Своею участью, Христос открывает нам, что есть истинная святость: не обособление, но соединение, не осуждение, но спасающая любовь", – говорит Ратцингер.¹¹ – "И не есть ли Церковь попросту продолжение этого нисхождения Бога в человеческое убожество, продолжение трапезы Иисуса с грешниками?". Церковь, нисходящая в ад человеческого безумия, человеческой усталости, человеческой безысходности. Церковь ни над чем не торжествующая, но только служащая, омывающая ноги всякому, стоящему в самом низу. И потому сообщество людей, распоряжающееся пространством ритуальной чистоты и устанавливающее правила поведения "грешника в святом месте", есть все что угодно, но только не община простецов, идущая за сыном плотника на Голгофу.

Нет, Церковь не ради мира и его спасения. Но ради того, чтобы, расплескавшись от края до края ("идите и научите все народы"),

таинственной силой собраться в Царство Сына – собраться не в Царстве уже кем-то без нас установленном, но самим собраться в Царство, соединившись непреодолимой силой единства в Сыне. Мы – камни живые этого Царства. И мы соберемся и произведем устройство вопреки миру и его интересам. Все то, что грядет, соберется под Новым Небом на Новой Земле. И потому ни у мира, ни у князя мира, ни у духа князя мира сего нет никакой силы над Церковью. И потому врата ада не одолеют ее. И потому мир ради Церкви, а не Церковь ради мира.

Нет, в Церкви нет страха. Ни перед гонениями кесаря, ни перед кривой смертью. Не может быть страха в Той, у кого единственный подлинный страх – это ужас утраты богообщения. Когда Дух наполняет верующего от края до края, в нем есть все,

¹¹ Там же у Ратцингера.

но нет страха. Нелогично, но верно. Церковь крепка теми, кто держит пост, кто остается на посту, кто не прячет глаза, кто не девальвирует совесть, кто не потворствует благоразумию, кто остается стоять с ровной спиной, когда стоять уже невозможно, то есть теми, кто оставил страх врагам Церкви.

Есть два рода стояния. Наподобие свечи, ради горения в вечности, чтобы оставаться светом своего времени; оно подобно океану, который не утратит своей солёности в века. И есть другое стояние, которое случается по службе или приливу подбострастного счастья. Хорошо сказал об этом Бродский: *"Когда он входит, все они встают./ Одни – по службе, прочие – от счастья..."*¹²; у поэта "счастье" – эвфемизм раболепного страха перед тираном: липкий животный страх, такой, что отрицает в сути своей человеческое. Испытывающие подобные состояния – уже не люди, хоть и прямоходящие.

В Церкви же не будет страха ни перед миром, ни перед князем, ни перед смертью, ни перед орудием смерти. Ибо Церковь собрана у Голгофы, у древа, воткнутого в Череп Адама. Она собрана у пронзенных ног Того, Кто после глумлений – распят. Задумайся, твой Бог распят! Можно ли после *такого* чего-либо бояться? Потому в верных нет страха; нет, ибо Бог их будучи мертв – воскрес!

Нет, Церковь не организация. И не стоит мерить её эффективностью. И глупо сводить её к юрлицу. Последуем вслед ратцингеровской мысли¹³: Церковь по преимуществу не там, где организуют, управляют, оптимизируют, проводят реформы; она в тех, кто просто и искренне верует, и приемлет в ней неброский дар веры, питающий обыденную и приводящий в вечную жизнь. И лишь тот, кто познал, как за мелькающей сменой служителей, обрядов, канонов и предписаний Церковь ободряет души людей, дает блуждающим во тьме отечество – то отечество, которое есть надежда и шалом, предлагает путь – тот

¹² Одному тирану. 1972.

¹³ Там же у Ратцингера.

путь, который ведет к вечной жизни, – лишь тот, кто все это познал, впитал, принял, лишь он знает, что такое Церковь.

Но все это не значит, что в Церкви нет управления или что оно есть, но при этом не может быть к нему никаких претензий. Мол, что есть, то есть, возблагодарим же за то, что есть. Но нет! Дом Божий устроится и требует достойного управления. Куда более достойного, чем дом фараонов. Ветхозаветный Иосиф задал пример управления домом фараона

в Боге. Ключи́нская реформа, готический собор – другой пример высокого образца организации пространства и быта на основе богословии Света. В те времена, которые Просвещение назвало "темными", архитектурная и теологическая мысль достигала редких вершин. Это была целая эпоха, когда монастырское хозяйство и монашеская

библиотека были передовыми институциями и обеспечивали трансляцию культуры и мышления сквозь века. Потому Церковь учит и организовывать, и управлять, и оптимизировать, но так, чтобы, организуя – оставлять место действию Духа, управляя – соотносить цели и задачи с замыслом Отца, оптимизируя – опустошаться самому как опустошился безупречный Христос.

Нет, Церковь не иерархия. Она не упорядоченная и святою печатью не скрепленная иерархия чинов¹⁴, но место, где каждый для каждого и все во всех. Церковь есть братство принципиально равных. Церковь суть отара, при которой Единый пастырь есть. Почему не иерархия? Да как она возможна при "царственном священстве" всех верующих¹⁵? Как возможна иерархия, когда "последние станут первыми"? Как она возможна среди членов живого Тела? Кто в таком случае значимее – рука,

¹⁴ А как же сказанное Дионисием Ареопагитом об иерархии? Так Дионисий и сам практиковал апофатическое богословие, ибо полагал, что любое положительное утверждение о Боге обязано быть поддержано суждением отрицательным. И что с этих двух сторон и нужно осуществлять встречное движение к непостижимой Тайне. Потому нет никаких оснований отменять данный принцип по отношению к тому, что установлено Самим Христом – к Его Церкви.

¹⁵ С раскрытием этой тезы можно ознакомиться в авторской статье "Живые камни всеобщего священства" // Философско-религиозная тетрадь #7.

нога или какая иная часть тела? Потому не стоит поддаваться начальственным страхам: Церковь, даже будучи включенной в "небесную иерархию", по преимуществу не есть иерархия!

Нет, Церковь не вместилище Традиции. За этим стоит идти в музей, библиотеку, архив, записаться в фольклорный кружок, отправиться на курсы вязания бабушкиным крючком. Церковь, в которой побеждает Традиция, ничем не отличается от религиозной ситуации книжников и фарисеев, порочащих непонятого ими Христа. И фарисеи, и саддукеи были рафинированными носителями великой Традиции – преготовительницы прихода Спасителя мира, и именно с этой позиции они проворонили Жизнь – лишили самих себя Того, Кто в Себе и для всех был Жизнью.

Иисус ясно и жестко с самых первых столкновений [с ними] давал понять, что Он не вольет молодое вино Учения и ветхие мехи Традиции, ибо ничего, кроме общей потери, не случится. Поэтому Церковь покуда остается Телом Распятого есть вместилище живого Слова; полна Крови, не когда-то, но ныне и присно сочимою за нас; она дом Духа, дышащего, где хочет и Го-

лоса глаголящего, что хочет. Никогда не угадать, что именно будет сказано. Бог – не тривиален. Его Дух и Его Глас никогда не пленить, ни за что не втиснуть в отведенное благочестивое место, умом ученым не опредметить и не зафиксировать в качестве завершенной кодифицированной Традиции. Можно только быть готовым слушать и слышать, идти во след и обращаться на зов.

Потому Тело Христово – вместилище не традиции, но народа – народа избранного, народа, движимого Духом Святым.

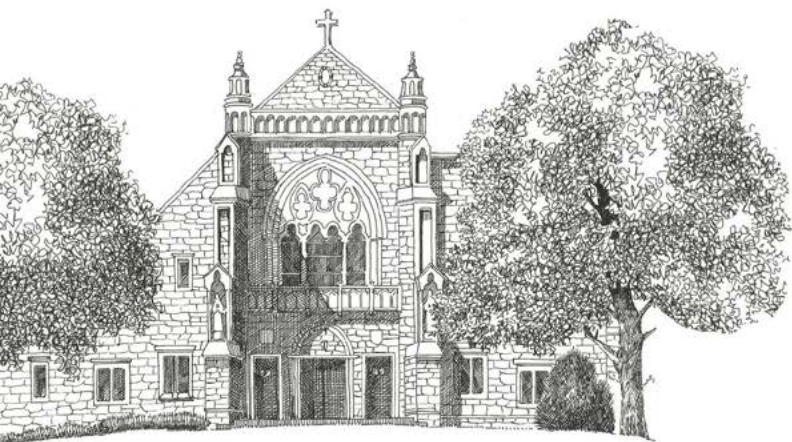
Нет, Церковь не судилище. И не ее эта судьба выносить приговоры и лязгать затворами. Ясно сказано "ничему не выносите приговор до времени, пока не придет Господь" (1Кор. 4:5). Он выведет

на свет все, что скрыто временно во мраке. Он сделает явными самые потаенные помыслы (там же). Сила воскрешения такова, что все проявится, все проступит, все приобретет еще большую силу существования. Никто и ничто не в силах бесследно сгинуть. Воистину грядет *всеобщее* воскрешение. Грядущий не забудет ни о ком и ни о чем. И Он в тот страшный день будет нелицеприятен. Вот тогда каждый получит от Бога свою похвалу и свою хулу. Судящий же раньше срока – сам судим. Воздерживающийся ради Пославшего (а покуда суть да дело, снимающий и последнею рубаху) – не судим и на Последнем Суде. Церковь жжет глаголом и ласкает надеждой, не нуждаясь в суде; заквашивает, пропитывая тесто мира, осаливает, беззаветно растворяясь в океане служения. И мир никуда не денется, ибо прогоркнет без соли. Церковь остается Преломляемым Телом, покуда помнит слова Учителя: кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8:7). И потому Церковь принимает покаяние и одаривает евхаристической причастностью, а суд отложила до Второй Парусии (*παρουσία*).

Нет, Церковь не на стороне закона. Благодать поверх закона. И так установлено, что лишь благодать очерчивает границы места, отведенного Церкви. Поэтому, когда благодати в церковной общине нет – нет и Церкви, ибо такое безблагодатное собрание обычных людей превращается в самое душное и затхлое сообщество из всех возможных, которое со своей претензией быть не от мира сего – даже хуже всего, что в мире есть, ибо Церковь вне благодати – всего лишь скопище законников и обрядоверцев, надменно мнящих себя заведомо спасенными и, более того, лишаящими спасения истинно ищущих и алчущих.

Потому Церковь не на стороне Закона, ибо во Христе умер и Закон.

Послевкусие

Избрать Церковь предметом богословского разбирательства, а именно такой ход предприняли авторы настоящего сборника, – решение довольно рискованное ввиду кажущейся очевидности предмета. В первом приближении, а таковым, как правило, и ограничивается довольно широкий круг читателей, церковь – явление, говорящее само за себя. Если мы предпримем гипотетический опрос среди людей, даже не сторонних, но интересующихся в какой-то мере религиозной тематикой, и зададим им вопрос: «Что есть церковь?», то с большой долей вероятности можем ожидать получения различных в своих акцентуациях и изящности дефиниций, но по сути равнозначных определений: «Предельно ясно, – скажет один, – церковь – это здание культового назначения»; другой поправит: «Это не просто здание, но место встречи для совместного отправления верующими религиозного культа»; третий, очевидно христианин, будет более конкретен: «Церковь – это место, где верующие поклоняются Богу»; а иной и вовсе усилит сказанное: «Церковь – это собрание верующих и место, где присутствует Бог». И все будут правы, утверждая в своих ответах Писание: «ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

Можно ли что-то добавить к сказанному Господом о Церкви? Можно ли придать дополнительную ёмкость Его Слову? Может ли богослов вообще что-то сказать о делах Господних и Слове Его, насколько будут ценны его слова?

Может! Но ровно настолько, насколько способен преодолеть искушение говорить от имени Бога и готов продолжать говорить от имени человека, которому открылся Господь в Сыне Божьем. Получив познание от Бога, человек не лишается права на слово своё, и не умаляется статус его слова, как не умаляется статус самого человека, обнаружившего в Господе свою истинную ценность. Напротив, слово человеческое приобретает особый вес, когда говорится теми, кто, всматриваясь во временное, способен видеть вечное. Тогда-то человек и становится богосло-

вом, ибо становится способным обнаруживать перед миром своё узнавание, видение и понимание захватывающей дух мистерии – разворачивающегося в человеческой истории Откровения Царства Божьего, воплощения в материи мира Его Слова.

На страницах этого сборника представлен опыт подобного рода, за которым чувствуется богословская практика, позволяющая увидеть манифестацию Божественного в Его человеческом измерении.

Особая ценность, которой обладают представленные в сборнике тексты и которая их объединяет не только содержательно, но и методологически, состоит в том, что они не являются повторением уже утвержденной Его Словом истины о Церкви, но выражают стремление увидеть Церковь как задуманный Творцом образ, почувствовать Церковь как Его желание, обретающее в своем воплощении плоть и кровь, а значит, и возможность быть и осуществляться. Воздвигаемый не в камне, но в плоти человеческой истории Храм Его Вечного Присутствия, с одной стороны, – авторитарный акт Божественной воли, а с другой, – не поддающееся пониманию брэнного ума вверение и доверие Богом Своего предприятия в руки призванных, но ненадежных, в силу своей свободной природы, людей. Почему Бог позволил, чтобы рожденный в Нем образ Вечного Храма Его Присутствия был передан к воплощению несовершенным строителям, наделенным правом избрать собственные пути, воплощать собственные мечты, желания и образы, быть творцами и творить от собственной воли? Не потому ли так далеки оказываются плоды их труда, зачастую подписываемые именем Христа, Его Духу и Слову? Но именно такой путь избрал Господь, доверив нам, своевольным строителям, возведение Его Храма. В этом открывается Богочеловечность Церкви, раскрывающаяся в парадоксальной двойственности её природы – с одной стороны, задуманной и установленной на незыблемом камне Слова, несокрушимой и невозмутимой, но с другой, – распростертой во временах и пространствах истории, пластичной и подвижной, непрестанно меняющей свои формы, демонстрирующей миру метаморфозы священного образа.

Статья Михаила Дубровского есть попытка ответа на вопрос о том, как же удастся церкви оставаться Церковью, меняя лики культурных и исторических форм? Как удастся ей продол-

---

жать удерживать свои основания, постоянно подтачиваемые несовершенством человеческой природы, вызовами современности, различными трансформациями исторического контекста? Дубровский показывает, что благодаря соответствующим институтам Церковь способна форматировать свои основания в определенные константы, закрепляющие в изменчивых формах неизменяемые глубинные основания её бытия.

Как бы в продолжение, но с противоположного ракурса, Юрий Черноморец развивает тему констант церкви, задающих и скрепляющих содержание любой христианской традиции. Не все, что традиционно в церкви принимается как незыблемые константы, в частности, её критерии истины, восходит к предельному основанию бытия Церкви. Но именно потому, что такое основание есть, Церковь на различных этапах способна взойти к Нему и пересмотреть свои критерии истины, свои способы бого- и мировидения, сознательно или бессознательно заданные невозходящими к предельному истоку основаниями. Этим предельным основанием не может быть ничто иное, кроме как гора Фавор, на которую нужно взойти, подняться к месту встречи и преображения со Христом и друг с другом. Церковь осуществляется не иначе как через Встречу и Преображение.

Третий автор данной тетради Михаил Черенков проходит ещё дальше: «Наши сегодняшние обязательства и чаяния позволяют увидеть Церковь, свободно избирающую формы своего присутствия в мире; способную жить в гонениях, быть в меньшинстве; творчески обращающуюся с возможностями и материалом; избегающую ангажированности и соблазна симфоний. Это значит – мы видим Церковь свободную, творческую, открытую». Да, Церковь в своих проявлениях и формах задаётся историческими реалиями, но раз любящим Господа всё содействует ко благу, то давайте смотреть на это не как на подверженность влиянию мира и зависимость от вещественных начал, но как на ресурс, позволяющий раскинуть шатры, а может, нам удастся увидеть больше и понять, что у Церкви и вовсе нет другого тела, чем тело мира человеческого.

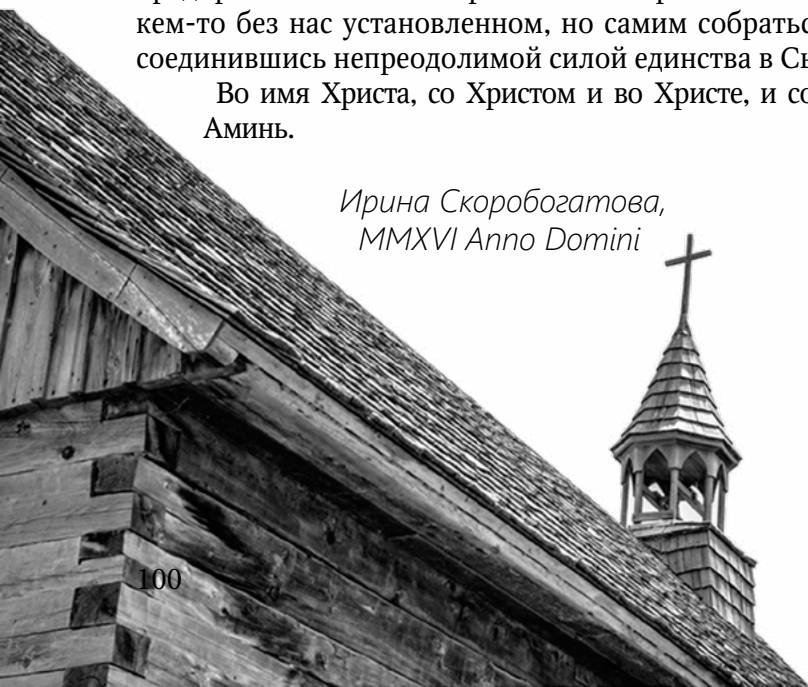
И в завершение – переливающаяся гранями россыпь эклесийных образов от пера Сергея Градиловского. Образов утверждаемых и тех, которым отказано войти. Все они – лики че-

ловеческие, от нашего, человеческого мира взятые, все живут в нас и нами же существуют. Ушедшие в историю, живущие ныне и те, которые ещё только предвкушаем увидеть, – все они задаются не кем-то до нас и поверх нас, но самими нами, людьми. Потому среди красивых и возвышенных есть и суровые организации, и сухие юрлица, и стёртые лица лепрозория, и даже они имеют место, ведь это всё наши образы человеческого, без которого ничто богочеловеческое не состоится. Апофазис в глубинном смысле – это не отказ, но указание на недостаточность, и вот эта недостаточность восполняется Фаворским Преображением. Изменился ли образ Христа в фаворском преображении? Нет, но обнажился до сути.

Нас, носителей этих многообразных образов, апостол называет домостроителями многообразной благодати Божьей, строящих из самих себя дом духовный. Каковы мы, таковы и образы Церкви во времени, а потому смена образов, метаморфозы – не патология, не уступка миру, а норма бытия богочеловеческого. Ведь посреди меняющей лики, перетекающей из образа в образ Церкви всегда есть место Фавору, месту встречи и преобразования, где обнажаются сути всех образов, являя нам Царство. А потому особо ценна и волнительна высказанная Градиловским мысль с призывом «собраться не в Царстве уже кем-то без нас установленном, но самим собраться в Царство, соединившись непреодолимой силой единства в Сыне».

Во имя Христа, со Христом и во Христе, и со всеми нами.
Аминь.

*Ирина Скоробогатова,
MMXVI Anno Domini*

«Разве можно сказать что-либо новое о Церкви?»

Две тысячи лет лучшие умы говорили и чистейшие сердца исповедовались в любви к Церкви. Говорили рационально и таинственно, исповедовались страстно и мечтательно. Говорили о недостижимом идеале и о буднях, о Божественном и о человеческом. О Церкви сказано так много, что ни человеку, ни коллективу авторов всего этого даже не прочесть, не то чтобы успеть и суметь все это обсудить. Так почему бы не замолкнуть и перестать писать о Церкви? Разве есть надежда на новое слово в отношении бесценного Тела Христова? Разве авторами уже утрачен страх сказать о святом Теле пустое, не должное, написать хуже, чем было написано ранее? Зачем переводить бумагу? Зачем другим тратить свое время еще и на наше авторское «заумье»?

Немногим более 50 лет назад о. Георгий Флоровский, богослов тонкого ума и непростой судьбы, сказал, что учение о Церкви только выходит из добогословской стадии. Это утверждение автора книги «Пути русского богословия» должно, среди прочего, напомнить всем нам о такой важной христианской добродетели, как смирение: никто из нас лично, никто из нас кафедрально, никто из нас ектлесийно не обладает монополией на Истину. Поэтому никто из живых и никто из мертвых не может установить границы истинной Церкви. Только Христос. Только Ему Слава!

Поэтому и нам пристало, будучи в Нем, держать в слове о Его Церкви.»

Редакция

СХЕМА ЭККЛЕСИЙНОГО ВОПРОШАНИЯ

© Онтографика РВШ.

Описание схемы экклесийного вопрошания

Предложенная схема может быть, кроме прочего, схемой прочтения текстов данной тетради.

В центре схемы лежит наше перманентное экклесийное вопрошание. Вопрошание неизбежно и подпитывается раздвоенностью наших чувств. Ведь мы пребываем и служим эмпирической церкви сего века, не лишенной греха и стыда, но, одновременно, видим Церковь Замысла, жаждем красоты и чистоты Невесты Христа.

Ради плодотворности такого вопрошания необходимо совершить ряд последовательных шагов:

1. понять, какова Церковь в Логосе Творца? Каков идеальный божественный замысел о ней? Иначе, понять, какова Церковь как Дом Отца, как Невеста Сына, как сосуд Духа Живаго?

2. внимательно разобрать, понять и принять исторический путь Церкви, который непросто и в целом, и в эпизодах, и местами даже отталкивающе непросто. Но его необходимо понять и интериоризировать как опыт Тела;

3. понять в метанойе, каков замысел Творца о нас самих как конкретной экклесии, что именно мы можем и призваны сделать для Церкви, вместе с Церковью и уже будучи Церковью? (Такое знание открывается уму сугубо кающемся, отсюда *μετάνοια.*);

4. понять, как сформулировал Антоний Сурожский, «какова наша роль в том, чтобы эту Церковь, похожую как бы на червячка, сделать светлячком», составить план будущей реформации, то есть метанойи самой Церкви.

Научно-популярное издание

Философско-религиозные тетради. Тетрадь №008.
Тело Христово: константы и метаморфозы священного.
Рефлексия богословских дискуссий
на экклезиологические сюжеты.

Материалы данного сборника можно, кроме прочего,
прочитать на сайте "Евангельское движение"
www.evangelicals.ru/008

Подписано в печать _____
Формат издания 148x210. Печать офсетная.
Усл. печ. л. ____ Тираж ____ экз
Издательство МРО ЕХБ "На Руси".
www.evangelicals.ru
evangelical.council@gmail.com